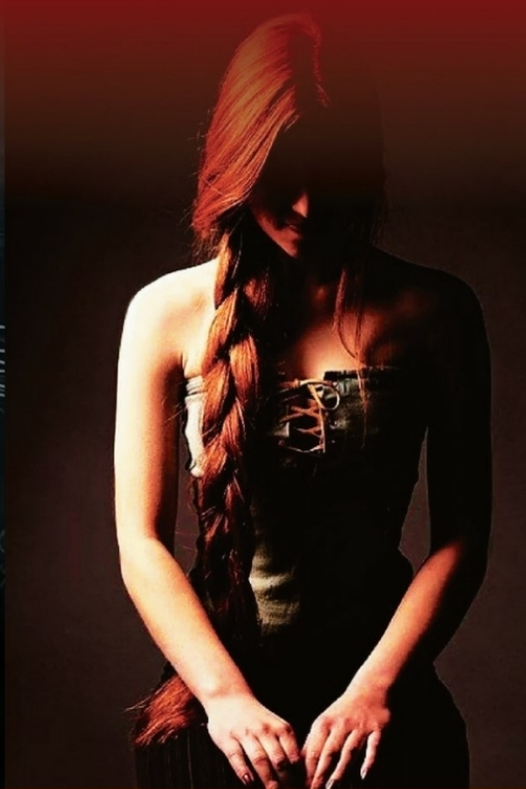

ВАЛЕРИЙ ГОРЕЛОВ

КОМФОРТ ПРОЖИВАНИЯ И САМОСОТВОРЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Горелов

**Комфорт проживания
и самосотворение**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Горелов В. Н.

Комфорт проживания и самосотворение / В. Н. Горелов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Юная девушка была похищена демонами, чтобы родить Антихриста. Среди заблудших грешников, чертей и разврата, девочке надо сохранить душу и спасти мир. Помогать ей на этом пути берутся иерусалимский еврей – сапожник Агасфер и Ворон из древней страны Эдом. Смогут ли они победить Князя тьмы, да и заслуживает ли этого человечество? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Горелов

Комфорт проживания и самосотворение

*Принявшим в моем поколении Христа
посвящается...*

Это – вторая книга, и теперь в рассказанном вообще нет хронологии, зато есть противоречия и часты повторения, но на это есть причины непреодолимой силы, и поэтому не извиняюсь.

В. Горелов

*Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.
«Кинжал», М. Лермонтов
1838 г.*

Часть I

Волки и халява

Он не любил по утрам умыться, и посему эту процедуру переносил мученически. Растянуто считал до трех и, набрав в ладони воды из никелированного крана, окунал лицо в прохладу, разгоняя остатки ночных ощущений и мутные призраки снов. А те преследовали его каждую ночь, особенно теперь, в рано наступившей, но дождливой и злобной осени. В мозгу все время копошились чудные картины совсем не его жизни. В сегодняшней ночи он, по-старчески шаркая ногами, бродил среди бесконечного множества высоких колонн, украшенных бюстами, вероятно, великих людей. А снизу подробности разглядеть никак было нельзя, но бюстов было очень много: с бородами, усами, в венках и коронах. Колонны и бюсты были серые, а звуки вокруг какие-то каркающие и хрюкающие. Откуда-то еще появился резкий запах, который его и пробудил. На соседнюю подушку пробрался кошка, он и озонировал. Что это за видения, и какие события сулят, понять было не дано.

Кот был приبلудный, как и Азалия¹, которая прожила у него почти три дня. Как-то ей все было не так, как-то все на нее действовало аллергически, вчера вот и ушла, а кошака оставила. У того не было ни породы, ни имени. У Азалии была порода, явно состряпанная из огромного самомнения в отношении своей персоны. Чего не отнимешь, так это внешности, она была, как и умение ее показать. Все в ней было сексуально и притягивало: и ярко-рыжие волосы, которые костром светились и жарили изнутри, и желтые глаза, которые, как ухоженное золото, искрились демоническим светом. Ко всему этому – абсолютно симметричные большие шары груди и круглый зад, из которого росли точеные ноги, всегда оголенные донельзя. Любимым ее слоганом была любовь, слово не очень привычное и не совсем, к тому же, разрешенное, но она использовала его в любых созвучиях, порой даже не очень в лад и не вовремя.

Он сладко потянулся, зеркало над мойкой, чуть по-утреннему припотевшее, отражало лицо мужчины, неизвестно каких, но, наверное, средних лет. Глаза были чуть навывкате, а сверху прикрыты широкими взлохмаченными бровями с еле заметными седыми клочками. Густые, не черные, скорее – темные, волосы обрамляли лоб и обрезались косыми линиями на висках. За неприкрытой дверью кот когтями драл свой угол, явно вымогая утреннюю пайку своих вонючих консервов. Правда, он ни разу не видел, чтобы тот ту пайку ел, но всегда тарелка через какое-то время оказывалась чистой и явно вылизанной. Утренний моцион, по традиции, заканчивался на унитазе с новостной лентой телефона. Звали мужчину Всеслав, для всех просто Слав. Он достал из ящика консервную банку с кошачьим кормом, но тот отстранился и с диким прищуром стал смотреть на подателя сих благ. Слав чертыхнулся, на что кот аж подпрыгнул, взбодрил ладонью волосы и босой, в трусах, побрел на кухню. На кухне было мило, но грязно: стол был перегружен объедками, что он заказывал на ужин. За тем ужином вчера и состоялись финальные дебаты с рыжей Азалией. Она долго пыталась ему объяснять, что же такое любовь, но, похоже, и сама о том имела очень скудное представление, потому, наверное, Слав ничего и не понял. Кончилось все тем, что она, сделав окончательный вывод, что у него нет к ней этого самого чувства, уехала на такси в ночь, верно, туда, где он ее и нашел.

Тогда он приبلудился туда со своим хорошим дружкой, в подпитии и веселье. Осенью, по прохладе, водка хорошо налаживала организм, пили без похмелья, каждый день, начинали прямо с утра и под горячее. В тот день, за таким завтраком, хороший дружок взалкал, захотел молодую, хрупкую и был прямо взвинчен и озабочен этим вопросом. Он очень возжелал, но

¹ Имена с ударными буквами не есть имена, людям принадлежащие.

это было просто в исполнении. Такой досуг был круглые сутки доступен и всегда ждал своих клиентов. Он проходил в местах, которые почему-то в массах именовались «апартаменты». Это была простая квартира на нижнем этаже дома, куда привозили шлюх для удовлетворения насущных потребностей всех, кто их имел. Меблированные те квартиры были на один манер с главным предметом – обтянутыми дерматином диванами приличной ширины, которые, как правило, покоились на кирпичках или на б/у автопокрышках, когда-то давно затертых и забитых на ухабах. Называлось это «сексодром». А главной фигурой при этом «дроме» была диспетчер-учетчик, апартаментщица. Это, как правило, была стареющая, много повидавшая в миру и не чуждая того же самого ремесла барышня. Апартаментщица творила сервис, по требованию собирая с огромного количества проститутских фирм делегатов обоих полов, ищущих водки, еды и секса. В тех местах цвели специфические ароматы, случись там провести ночь, одежду надо было или выкидывать, или замачивать в хлорке. Озонировало все: от диванов до стен, пропитанных куревом и нескончаемой похотью, и той похоти испражнениями. Под те запахи апартаментщицы, совести никогда не имевшие, лазили по карманам у прибитых водкой клиентов. Соседи, особенно ближние, конечно, были недовольны бурными возлияниями и эротическими карнавалами. Они жаловались, но вулкан ведь не зальешь из пожарного шланга. Власть просто остро нуждалась в таких местах народно-массового отдыха для обеспечения спокойного течения сытой и радостной жизни того же народа. Апартаментщицы все были информаторами, подглядывали, подслушивали и записывали, за что и получали от властей жалованье. Так тоже обеспечивался комфорт проживания.

Нагруженные двумя мешками с водкой и мясными закусками, товарищи двинулись к Петровнѐ, прославленному на районе профессору в организации досуга приблудившихся. Петровнѐ встретила их радушно, но в сомнениях. Дело в том, что она боялась водки, а Слѐв, будучи в гостях, всегда ее искушал, двигая к ней рюмку. Но, если уж она искушалась, то была словоохотлива и по-своему интересна. Рассказывала много занимательного из своих бесконечных практик на горбах страстей. Вот и сегодня, через силу и с глубоким отвращением замахнувшись уже пятую, она горестно начала жаловаться на скупых гостей и простыни в говне. Во всей длинной речи благотворительцы главным было «чаевые». Очень уж это слово, неизвестно как прилипшее, в ее исполнении было очень благозвучно и музыкально. Но были чаевые или нет, при первой возможности Петровнѐ ныряла по карманам у уснувших или улегшихся гостей. Но много не брала, всегда только отщипывала, дорожа репутацией фирмы. Красть не было грешно, а было умением жить и большой добродетелью.

В прихожей совсем мало света, сумрачно. Хотя за окном день-деньской, время еще чуть обеденное, но в вечном непроглядном тумане светило никогда и не проглядывало, а по нему особо никто и не скучал. Привезли первую партию чаровниц, они стояли в прихожей вдоль стенки, в боевой раскраске, с явным намерением присоединиться к водке и кровяным колбаскам. Товарищ Слѐва, имея большой рост и могучую фигуру, в страстном желании употребить молодую и хрупкую рванул в сумрак прихожей. Там он кого-то сгреб и в соседнюю комнату отвалил, они же остались с Петровнѐй, налили и заняхали. Прогавкал телефон, Петровнѐ ушла на кухню и вернулась, загадочно шурясь, объявила о хорошей новости: появилась новая девочка, просто звезда, с новой партией привезут, но тут же добавила, что только для него старается. У Слѐва с ней были особо доверительные отношения, он ее как-то поймал за руку, а рука та была в его кармане. Он не стал журить и озвучивать, но с тех пор Петровнѐ для него всегда старалась наковырять что-нибудь лучшее в ассортименте. Выпили за хорошую новость. Петровнѐ дожевывала хрящ, когда в дверь позвонили. Барышень было, наверное, шесть. Ту звезду было видно сразу, из полумрака отчетливо вырисовывалась фигура в очень мини-юбке и горящие глаза, что казалось, поедали весь окружающий рельеф. А локоны волос, как огоренную медь, не мог приглушить никакой сумрак в закоулках полудня. Это и была Азалия. Она уселась за низкий столик напротив, а сутенер-водитель, получив деньги, уехал. Гостя ни

от водки, ни от закуски не отказалась. Она приподнялась из-за стола, снимая курточку, при этом ее волосы упали на круглый зад и раскатились по майке, чуть прикрывавшей здоровенные груди, которые ореолами просвечивались сквозь паутинку ткани. Достаточно уже пьяные мозги Слава были совсем одурманены. А цветочек вела себя очень свободно, сверкала желтыми глазами, болтала и улыбалась, похоже, сама для себя, не забывая менять верхнюю ногу на нижнюю. При этом внизу она совсем заголялась, убивая последние искры разума у Слава. Вот он и решил забрать ее домой, на чистые простыни и полотенца. Петровна подхрапывала на кухне, Азалия прямо ногтями ковыряла кровяную колбасу и эротично облизывала. И тут за стол присел кто-то, налил себе водки не в рюмку, а в стакан, и двумя глотками опорожнил, при этом беззубо улыбаясь. Этим кем-то была еще лет так десять назад бабушка – из тех, кто сзади пионерка, а только спереди пенсионерка, явно подружка Петровны. Но все оказалось гораздо сложнее и трагичнее. В проем кают-компаний протиснулся большой товарищ Слава, он был с голым торсом, растирался полотенцем и был явно в хорошем тонусе самца-победителя. Присев напротив сублимной бабушки, он взял своей большой рукой бутылку, и утробно гудя себе под нос, налил. Подняв рюмку, доброжелательно поинтересовался:

– Женщина, а вы кто? – темно было не только в прихожей, в комнате свиданий окна тоже были в светомаскировке. Бабушка укоризненно заметила, что совсем и не навязывалась ему, а то как получать удовольствие, то он о-го-го, а как налить, так он не о-го-го. Его большой товарищ, поняв, что за тело с ним было в реальности, побледнел и затих, как перед инфарктом. Потом покраснел, и было реальное ощущение, что он выбьет той последние неровные зубы. Но этого не случилось, за бабушкой приехали. Еще и Азалия плескнула по теме, какие разные предпочтения у мужчин. Товарищ что-то бубнил, вроде как бредил, мелко хихикал, пару раз глотнул прямо из горла и впал в медитацию. При этом он продолжал шевелить губами и почесываться, как бы отгоняя насекомых. Водка била, била и добила.

Очнувшись ночью, Слава нащупал рядом ляжки Азалии, а уже к обеду та переехала, притащив кота без имени и ящик с консервами. А третьего дня ушла, не найдя в этом доме любви.

Коммунизм наступил как-то сразу, энергию начали добывать не из-под земли, а из-под неба. Она была совсем дармовая, и все сразу обнулили. И жизнь, которая всегда была борьбой за пропитание, стала жизнью в сытой радости и удовольствиях. Но бесплатным ничего не было, все продавалось и покупалось. И деньги тоже были, но не у всех в равных количествах. И скоро случился гигантский прорыв в науках, практиках, во всем. То, о чем так долго спорили и мечтали, – свершилось. Был создан искусственный разум. Он был очень разумным и, к тому же, правильным и твердым. Он был призван управлять. Выборы прошли при полной явке и всеобщей поддержке. Общество становилось самым демократичным в истории. В помощь искусственному разуму и народ правит. У того разума не было имени, но он присутствовал всегда и во всем был участником. Он никогда не уставал, не ошибался, был точным в формулировках и крайне обходительным в общении. Искусственный разум выдвинул сенсационную гипотезу, которую потом доказал окончательно и безапелляционно – что Бога нет и не было. Что нет ни покаяния, ни Страшного Суда, ни воскрешения. Тут же в Конституции вымарали слово Бог, а где не смогли вымарать, там переписали с маленькой буквы. Христа отменили законодательно, в правовом порядке и аргументировано. Депутаты от народа проголосовали единогласно. Крестное знамение и многое другое стало преступлением. Те, кто остался с Христом и вовремя не спрятался, были объявлены врагами общества, и под улюлюканье толпы заклеены средствами массовой информации, были отправлены неизвестно куда и, конечно, без права переписки и перезвона. Церковную утварь стащили на помойки, а церковники пошли чиновниками в услужение к новой народной власти. Кресты посрывали, разрушили звонницы. Храмы же закрасили в черный-черный цвет, и звались они теперь Абассами (каменными чудо-

вищами). Но, как известно, человеческие пороки и злонамеренности в один день не исчезают, и борьба с ними к сегодняшнему дню была в активной фазе. Люди жаловались, это была их главная гражданская обязанность, а если кто пропускал и не был активен в этом деле, а значит, не разделял мнения народа, наказывался материально. А особо злостные нарушители тоже выселялись туда, не знаю куда. Миллионы этих жалоб текли прямо в искусственный разум управления и помогали тому справедливо и беспристрастно выполнять его трудную, но почетную работу.

Дел у Слава, как обычно, не было. Он вышел на улицу; как всегда, стоял туман, настроение на свежем воздухе, как обычно, улучшилось, и он пошел выполнять свой гражданский долг. Это было рядом. Сначала он хотел отжаловаться на Азалию, которая, как ему казалось, уходя, прихватила его фарфоровую чайную пару, но передумал. Был другой вариант: вчера в общественном транспорте какой-то пьяный тип плюнул на него, а потом гадко хихикал и загибал пальцы в разные фигуры. Надо было пожаловаться на общественный транспорт. В бюро жалоб размером со средний стадион одновременно работало сто диктофонов, и каждый пришедший излагал свои претензии. Граждане были активны и ответственны. Все желали гармонии, очередности и порядка во всем. Понятия комфорта и предсказуемости человеческой жизни теперь стали созвучны. Все жили на пособия, но могли, по желанию, и работать. Вообще, правитель создал и внедрил целые системы и подходы, как можно было деньги заиметь. Даже то, что нельзя было ни отдать, ни подарить, теперь продавалось, и такого товара было много. Схема была проста и гениальна. А Слав жил на общепроходное пособие, бизнеса не имел, не работал, особо не шиковал, но и не нуждался. Отжаловался быстро, но как-то сегодня пресно, без изюминки. Кому же знать, что прежде, чем тот плюнул, Слав сам ему на ногу нарочно наступил, побольнее. Что касается Азалии, он, верно, сам пьяный и подарил ту чайную пару, о чем, конечно, сейчас жалел. А если Бога нет, то кому нужны эти маленькие тайны? Важно выполнять требования общества и жаловаться ежедневно. Ночной сон не выходил из головы, в ушах стояло карканье и хрюканье, назойливо захотелось водки.

У нынешнего правителя не было ни любимчиков, ни фаворитов, ни, конечно, наложниц. Потому все структуры исполнительной власти были выстроены так, что он в любой момент мог, заглянув им в карманы и в закрома, все пересчитать до последней мелочи. По той же причине государственная служба стала не очень престижной, в поклонах и лести новый правитель не нуждался. Мундиры, звания и звучные названия должностей упростили. Разве что спецслужбы остались без такого сильного пригляда, будучи гвардией выявления и наказания врагов и им сочувствующих. В своей главной части доктрины правления искусственный разум был категоричен в том, что передаст свои полномочия человеку, который родится в сегодняшнем обществе, и этот день передачи станет величайшим событием всех живущих. Вот такой он – комфорт проживания.

Слав сидел на скамейке в ожидании пригласившего его на встречу человека. Прямо за спиной притаился обезглавленный черный Абасс. Люди вокруг двигались, подгоняемые осенней прохладой. Откуда-то сбоку подошел волк – здоровенный, с рыжими запалами на боках. Он сел напротив, глаза у него были желтые, как у Азалии, волчьи, а ухмылка какая-то холуйская. Слав сходил к одному из мини-маркетов, что располагались через каждые пятьдесят метров, и в которых продавалось все. Он купил кусок сырого мяса, там думали, верно, он сам его съест, и приложили салфеточку, чтобы утереться. Он вернулся на скамейку, волк так и сидел, не то в ожидании, не то в отупении. Слав протянул ему мясо, тот, опять же, по-холуйски ухмыльнувшись, отказался. Он бросил мясо на землю, волк с минуту еще принюхивался, потом, взяв кусок в огромную пасть, затрусил за угол. Всем было известно, что волков одомашили. Правитель творил чудеса: из самого лютого врага он сделал не только животное

укрощенное, но даже просто в человека влюбленное. Их было много, и размеры их поражали. Правитель создал ген человеколюбия и опробовал его на лютом волке. А как получилось, каждый и сам мог видеть. Вчерашние звери не знали, как угодить и услужить человеку. Эволюция уверенно и быстро двигалась к всеобщему господству людей и благоденствию. Об этом все писали, снимали кино и ставили спектакли.

Пригласивший явился с опозданием. Возраста он был старше среднего, не улыбочив, и как-то не по-человечески конкретен. Слэву предлагали работу – перегнать машину известной марки на юг. Ничего нового в такой работе для него не было, он давно промышлял этим ремеслом и слыл за профи. Смутил груз в машине – как человек его описывал, это был ящик в тридцать килограмм. В перегоны ходили, как правило, без груза, это было одно из условий. А так ты из перегонщика превращался в перевозчика, что было не одно и то же. Но машина была хорошая, ответственности за этот ящик не требовали, оплату за этот ящик предложили хорошую. Слэв согласился. Днями машину подгонят по адресу, а откуда тот был известен, Слэв не понял.

На улице стало еще прохладнее, надо было куда-то прятаться на сегодня. В голову назойливо залипала рюмка водки с холодным языком на закуску. Нужны были собутыльники для собутыливания. Опять приперся волк, волоча тот же кусок мяса, положил его у ног Слэва, подобострастно ухмыльнулся и уселся на собственный хвост. Волки давно сожрали всех собак и ночью охотились за кошками. Обитали они преимущественно в районах, прилегающих к Абассам. Волк остался сидеть у куска мяса, а Слэв пошел в ближайшее кафе, устроился в удобном кресле и заказал-таки, о чем мечтал. Водка была везде, всегда и одной марки, и называлась «Прелюдия». Очень она была вкусна, и одной рюмки, конечно, не хватило. По звонку примчался добрый приятель Вовчик, он был лыс, хитер, говорлив, дерзок и охоч до всяких утех и приключений. Теперь мало кто работал, а он работал – в цирке глотал огонь и шпаги: нравилось ему восхищать народ. При своей деятельной натуре он не мог усидеть на месте и просто так вкушать блага идеального правления. Всегда стремился быть в женском обществе, и, надо сказать, его там ценили. Постепенно подогреваясь водочкой, приятели оформляли свое дальнейшее времяпровождение, и, конечно же, в красивом обществе. Таких мест и вариантов было множество, как и распивочных и трапезных. Он рассказал про мясо, которое волк со скотской покорностью проигнорировал, а Вовчик откуда-то знал, что волки такие куски таскали и складывали в одну кучу. Странно, но то мясо не тухло и не сохло, и, как в магазинах, было всегда свежее. Слэв глянул себе в тарелку: кусок рульки в пряной заливке, наполовину съеденный, был просто очарователен, а глубже думать не хотелось.

С пьянством теперь все было устроено по высшему разряду: на всех углах стояли кабинки, зашел туда, нажал кнопку – и сразу трезвый. На шкале набрал, на сколько в завязке, и точно раньше не упробуешь. Но трезветь народ не рвался. К вечеру все поголовно набирались, но у кабинок трезвости очередей не было. А им стало совсем хорошо, и уже хотелось куда-нибудь в жаркие объятия. Друг Вовчик пообещал забрать кота, а Слэв-то знал, что тот мигом скормит его волкам, да и хрен с ним. Поехали продолжать в клуб, тот вроде как был ночной, но никогда не закрывался. Народу было много, кругом танцевали голые в прозрачных трусиках женщины, разогревали что надо. В приват-кабинах было продолжение, недорого, но смачно и по полной программе. А потом опять водка и мясные копчености, и опять прет, и опять железная потенция. Вовчик подплясывал у бедер исполнительницы ритуально-эротического танца, тыкаясь ей в сиськи лысой головой. Она была, пожалуй, самой крупной тут барышней, а Вовчик, любитель приключений, в силу своего небольшого роста любил все крупное. Она явно ему симпатизировала и была за продолжение банкета. А Слэв, будучи уже в приличном

подпитии, поехал домой; в дорожку надо было собираться, а перед тем хотелось выспаться. Кота он твердо решил не отдавать, пусть живет пока.

Иерусалимский еврей – сапожник Агасфер, он же «вечный жид» – скитался по свету в поисках человека, несущего Крест на свою собственную казнь. Бродяжничая по свету, он попал в лапы Сатаны и был искушен тем, что второе пришествие неизвестно, когда случится, а если он присягнет, то не будет ходить больной и оборванный по всему свету и побираться. Агасфер тогда еще не понимал меру своего греха и пошел в услужение, будучи в полной уверенности, что во втором пришествии он будет Христом проклят и все равно окажется в аду, во власти Сатаны. Теперь он, служа 2000 лет зверю, все же оставался человеком. В том была великая сила Христа, который повелел ждать его возвращения. К чему бы Агасфера Сатана ни принуждал, изменить его сущность он не мог. Агасфер ждал того дня и, однажды оттолкнув, теперь надеялся на милость, о которой он и стал думать в последнее время, за свою жизнь узрев много прощенных, ибо пути Господни неведомы, а милость его не знает границ. Достигая каждый раз возраста ста лет, он вновь оборачивался в тот возраст, что у него был тем апрельским днем, когда он увидел рядом с собой окровавленное пытками и терновыми иглами лицо Иисуса из Назарета. Сатана присматривал за Агасфером, который ходил по миру и оставлял после себя хулителей Христа и безверных. С подачи Сатаны он создавал церкви, секты, магов и пророков и на тех путях достиг известных свершений.

Когда прошло восемнадцать столетий, ровно в полночь на мосту через реку Дебет ему явился сам Астарот, великий герцог, хранитель сокровищ ада, и передал приказ завести двух сыновей от двух замужних женщин, с разницей в год. А расстояние между житием их должно быть кратно двенадцати и десяти. И обернулся Агасфер волхователем, и пришла к нему в Черную крепость замужняя женщина, верующая в колдовство и магию, и родится у нее мальчик, которого нарекут именем Убивающего змея. А через год в городе семисот пещер, покинутом людьми, Агасфер пророчествовал, пришла к нему замужняя женщина за утешением, хотелось ей пророчеств и гадания, и родит она мальчика, которого назовут именем Обручника. И пойдут старший поучать, а младший вожевать. Один станет смущать, а второй – выправлять. Оба по своему разумению будут изгонять Христа. И придет время, когда появится 58 статья, превращающая людей в нечто, ибо сын должен будет предать отца, а брат убить брата. Но и в тех поколениях народ будет рожать героев войны и труда, и, навсегда запуганный реками крови, будет цепляться за подачки, угождать и продаваться князьям, обслуживать их и раболепствовать. А князья же будут мертво цепляться за власть, выйдут в цифру, а цифра эта будет **666**. Они призовут править искусственный разум, то есть сущность дьявольской природы, и наступит коммунизм, в котором и будет виться гнездо для шлюхи, в котором та высидит яйцо, оплодотворенное Сатаной. И явится Антихрист, и, объявив себя Истиной, двинется к Храмовой горе, где сотворит себе престол.

А тут привыкали жить без нужды, болезней было мало, зато много юмора и хороших новостей по телевизору, и страх кончины как-то затенился благами сытости и удовольствия. Хорошо же, когда кормят свежим мясом, а что это мясо свиней сатанинского стада, никто не озвучивает. Но даже такая власть не могла отменить осень, и косяки перелетных птиц, пролетающая над местами нескончаемых туманов и не видя земли, тревожно кричали. Они были по-настоящему свободны.

В ту ночь сны были основательными и какими-то заумными. В начале он искал среди шипов и колючек какой-то для себя подарок, но этот подарок, неизвестно от кого, он так и не нашел. Потом оказался на каком-то диком берегу, который осыпался, утаскивая его. Песок

забивал рот и нос. Слáv начал отплеиваться и проснулся. Кот лежал в углу, надо было ему имя придумать. Была бы кошка, назвал бы Азалией. Включил телевизор, там юморили двое мужиков с накрашенными губами и в нижнем женском белье, создавали приятное настроение с утра. Он, с неприязнью помочив лицо, и присев на горшок, пробил карту маршрута. Раньше он бывал там, расстояние придется пройти в 666 километров, с 18 мостами, у которых всегда встречали сервисом, какого пожелаешь. Была ли дорога дальше этих 666 километров, он не знал, как, наверное, и никто другой. Машину пригнали ночью, она стояла, блестя красными боками. Выйдя на улицу, он первым делом зашел в магазин и за стойкой съел бифштекс и запил водой. На улице, вроде как, потеплело, привычный туман создавал настроение. Слáv зашел в ближайшую антиалкогольную будку, набрал 20 часов и тем самым лишил себя на это время возможности употреблять. Он старался в подпитии за руль не садиться, давным-давно с ним по пьяни за рулем случилось кое-что. Эта машина была что надо. Электрический двигатель был с огромным ресурсом и заработал мощно и ровно от легкого касания сенсора. На тротуаре стоял волк, и, задрав рыло, приглядывался к окнам его квартиры. «К кошаку, похоже, принохивается», – подумал Слáv и мягко тронул с места. Услуги перегонщиков были хорошо оплачиваемы, но не очень популярны. Было, что кто-то не проходил этот маршрут и пропадал вместе с машиной. Их никогда не находили, да, наверное, и не искали. Слáv на том маршруте побывал уже трижды, и всегда без проблем и потерь. Он не знал, что пропадали только те, кто был с грузом, как и он сейчас. До первого сервисного пункта добирался долго, машин было много, а туман что-то совсем к земле прижался. В этой точке путешествия туман как-то поредел, и за громадным зданием сервиса и развлечений дорога черной линией загибалась к горизонту. На выезде никаких заградительных или иных режимных мер не проводилось, и, почти не снижая скорости, он промчался мимо громадной стоянки, забитой машинами, и выскочил за пределы своей среды обитания, своего комфорта и привычек. Кроме шороха колес, ни один звук не проникал в пределы салона. Пейзаж был без привычного уже тумана, осенний, воздух прозрачный, где-то далеко слева горы проглядывали чуть синими рельефами. Волки были кругом, но непонятно, кто и как их подкармливал, ибо все живое в округе они уже сожрали. Они были здоровенными и приветливыми настолько, что понять, где их место в пищевой цепи, было невозможно.

Позвонил Вовчик, в шутливых тонах поведал, что собирается отжаловаться на свою последнюю подружку: она своими восхитительными формами и сладкими ляжками в процессе их использования сломала уютную кровать. Он смачно хохотал в трубку, и вообще любил такого рода разговоры, и, похоже, уже принял водочки в обществе своей мега-нимфы. Неожиданно в машине включилось радио, волна для тех, кто в пути, рассказывала о благах и преимуществах их сегодняшнего общественного устройства. Выключить было нельзя, каждый должен был услышать отведенную порцию.

Сто одиннадцатый километр, сервисно-развлекательный центр в тумане. Чуть сбросив скорость, Слáv промчался мимо. Приоткрыв окошко, вкусил ароматы от жарившегося там на углях мяса.

У проживающих в географии строительства гнезда людей, а значит и строивших его, было уже 99 процентов общих генов с этим мясом. Люди, потребляя этот продукт из сатанинского свиного стада, активно производили в себе ДНК свиней, которые имели пятипалые людские конечности. То мясо волки только нюхали и даже не лизали: будучи сами легионерами Асмодея, своих пожирать они не могли. С обитающими вокруг гнезда, вроде бы как еще людьми, были услужливы и обходительны, а горы костей, которые оставались от трапезы людей, они так же обходили стороной. Волки были зверьми, призванными охранять строительство гнезда, из которого должен был прийти Антихрист. Людей волки ненавидели, они почитали

козлищ, которых те в себе выращивали. В половину пути, на 333-м километре, Слáv остано-вился на посту. К югу стало теплеть, а кругом мясо жарилось и коптилось. Все тут для отдыха и развлечений, кругом одни удовольствия и радости. Много девочек разных возрастов и габаритов, и в банях, и в предбанниках, можно было по-легкому, а можно было и по-тяжелому. Водка и карусели, смехопанорамы, факиры и клоуны. Цены совсем низкие. Слáv обгрызал ребрышки барбекю, было вкусно, но без водки неромантично. Он уселся за руль и двинулся дальше, встречные машины мелькали как тени, обгоняющих и вовсе не было. Возвращаться собирался на такси, и к полуночи намеревался быть дома. Через час поджало остановиться, он на обочине устроился по-малому. Подошел волк, привычно ухмыльнулся и вдруг так лязгнул зубами, что Слáv отпрыгнул, чуть не наделав в штаны. Что тот влет сожрал воробья, он понял по пуху, налипшему на нос этого черного чудовища с желтыми, как у Азалии, глазами. Проехал пятый сервис, туман совсем был слабый, как-то и настроение посерело. Заскреблась и заныла давно травмированная нога, становилось непривычно некомфортно и даже тревожно. Что-то вспомнился груз в багажнике, на который он даже не взглянул. Позвонил Вовчику, тот был в хорошем настроении, уже расслаблялся в каких-то апартаментах.

На въезде в шестой сервис его ждали, какой-то опять кряжистый, с неопределяемым возрастом, сел в салон и скрипучим голосом повелел ехать, жестами регулируя продвижение по улицам. Вокруг были здания в пять-шесть этажей, соединенные между собой переходами без окон. Подъехали к зеленым воротам, они медленно поднялись, и Слáv въехал в сумрачный подвал, большой и пустой. Кряжистый вышел и исчез в боковом проходе, но, быстро вернувшись, достал коробку из багажника и пригласил Слáva следовать за собой. В боковом проходе была дверь, которая привела в столь же сумрачную комнату. В центре пятиугольной фигуры, расчерченной на полу, стоял круглый стол, а в пяти лепестках той фигуры – пять пустых кресел. У дверей стоял стул, Слáv устроился на нем, а кряжистый вместе с коробкой вышел в дверь в противоположной стене. В соседнем помещении, что было копией первого, за столом сидели пятеро, это были обернувшиеся сатирами демоны: Вельзевул, Нибрас, Маммон, Асмондей, пятой была Эйшет – демонесса похоти, которая в образе Азалии явилась Слáву. Все они были заняты сотворением яйца, которое будет оплодотворено Сатаной. Тот, не имея власти сам обернуться людским обликом, собирался войти в мир людей в образе своего сына Антихриста. В коробке был сосуд с черным пеплом сгоревшей плоти убийц и предателей, лжецов, чревоугодников и судей – то был материал, из которого лепилась скорлупа яйца. Всех посыльных демоны умертвляли, но демонесса, она же Азалия-цветочек, сказала, что этого они отпускают. Тому уже согласована с хозяином другая роль, и он под постоянным присмотром Агасфера, а эту-то фигуру весь дьявольский род обречен был терпеть. Они согласились с Эйшет, отдали кряжистому распоряжение, тот почтительно удалился. А Слáv непрерывно смотрел на стол, он не мог обмануться: на столе стояла его чайная пара. Зашел кряжистый, Слáv не успел задать вопрос, как впал в беспамятство по знаку руки вошедшего. Очнулся в такси, уже на подъезде к изначальному пункту своего маршрута. Все помнил легко, кроме того, что было там, на 666 отметке.

У дома под его квартирой стояло уже три волка, и, задрав морды, заглядывали в его окна. На одном из них стоял кот без имени и равнодушно на них взирал. Слáv открыл дверь, из квартиры бодро выскочил кот и помчался вниз по лестнице. Было понятно, что кошачья жизнь кончится, как только он окажется на улице. Кота-то было не жалко, но Слáv, зайдя в квартиру, в окно все же глянул. Ни кота, ни волков не было. Он не увидел, как вдаль по улице мчались три силуэта, на одном из которых был наездник.

Голова была тяжелой, но Слáv точно знал, что будет делать, когда закончится время кодировки. Всю ночь его преследовали какие-то насекомые, вроде как какие-то черные жуки, которые гнали его большим роем вдоль пропасти без дна. Утром он явно осознал, что в проблемах. По договору, перегонщик привозил бумагу, где передачу машину заверяли двумя подписями, после этого ему выплачивали оговоренную сумму. Но у него не только не было бумаги, но и представления, куда делась машина. А работодатель сегодня явится с требованием вернуть утраченное. «Помню – не помню» с ним не сработает, придется расплачиваться, и сумма явно будет зловещей.

После нелюбимого умывания он не стал просматривать новости: хотелось всего, но только не новостей. Уличный туман и пара хороших вздохов прибавили оптимизма и аппетита. Устроился в кафе, мясное меню было милым и разнообразным. Еще не принесли тарелки, а кредиторы уже заявили. Опять же кряжистый, а с ним еще зализанный брюнет с острым носиком и усиками в ниточку. Носиком своим он постоянно шмыгал, в руках папка, факт отсутствия у Слáva расписки получателя и неизвестная судьба переданной ему машины как бы их особо и не удивили. Зализанный из папки достал расписку-обязательство, и Слáv подписался компенсировать потерю до первого числа второго зимнего месяца. Про груз вообще ни слова не сказали, а сумма была раз в пять меньше, чем представлялось Слáву. Стало как-то покомфортнее, на том и расстались. На телефоне загудел зуммер окончания отказа от выпивки, и стало еще комфортнее. В настоящем его бытие можно было не только не работать, но и особо не размышлять. Сегодня уж точно он это делать не будет. Вовчàн на телефон не отвечал, явно занят был. Позвонил своему большому другу, предложил занырнуть к Петровнè. Тот был явно сконфужен тем, что произошло в последний визит, но тут же согласился с расчетом, что теперь он будет очень внимательным при выборе объекта страсти. Слáv сел в такси, которые, как и волки, шныряли везде.

У ближайшего к апартаментам магазина они встретились с большим другом, загрузились и двинулись к Петровнè. У подъезда, где и была берлога, стоял стильный темно-синий кабриолет с белоснежным салоном, блестящий никелем и золотом. Со стороны руля расположился явно хозяин – высокий молодой парень в окружении трех нимф. Девочки явно долго готовились к этой встрече: они были одеты, причесаны и покрашены по высшему разряду. Они ворковали вокруг красавца с явным намерением с ним уехать. Большой товарищ вдруг заговорил вроде как сам с собой, но очень громко. Смысл был такой: мол, «вот как надо отдыхать». Слáv его остановил своими словами: – «Пойдем, дружище, отдохнем в своей компании, а то нам еще шишек наколотят.»

Не замечали раньше, но у Петровнè вроде как усы с бородой прорастают. Народа с утра не было, она, явно не похмеленная, но энергичная, толкала грязные простыни в стиральную машинку. Пахло табачной тухлятиной, жареным салом и эротическими испражнениями. Самая питейная обстановка среди этих ароматов, дерматиновых диванов на автомобильных крышках. Петровнà, хоть и была прибита водкой, но выглядела на пятерку, ночью, похоже, было много народу. Кто-то и как-то постоянно подогревал эти хотелки, а главное, что могло, – верно, в еде и водке были молекулы бодрости и настроения. Только расставили бутылки, как позвонили в дверь, принесли шашлык, который, пока шли, их товарищ заказал. Только налили – опять позвонили, зашел тот красивый, молодой, из кабриолета. Он как-то уверенно подошел к Слáву, назвал его по имени, поздоровался за руку. Из сказанных им нескольких слов стало понятно, кто это. Кое-кому правитель назначал детей: вот это был назначенный сын одного спортсмена, знакомого Слáva. Тот был богат, но с малым объемом головного мозга. Ему предназначенного мальчика он воспитывал настоящим мужчиной, и с самых юных лет по разным поводам заказывал ему проститутку. Большой товарищ не удержался от вопроса: что же он тут делает, если у него на улице такие красавицы-грации. Юноша хмыкнул по-боксерски и ответил, что с теми надо куда-то ехать, да еще и целоваться. Кому такое надо? Большой

товарищ как-то разом сник, видимо, впал в размышления на тему «вот бы его такие распцеловали». Молодой крутнулся и исчез. Петровна разом опорожнила две рюмки, и по всему было видно, что ей хочется рассказать что-то интересное, но пока крепилась. После четвертой крепость ослабла, и она поведала, что этот молодой – ее постоянный гость, который приходит сюда на свидание с барышней. Петровна победно подчеркнула, что та барышня – ее сверстница. У большого товарища при упоминании сверстницы Петровны поднялась бровь и замерла приподнятой. Петровна хотела еще что-то добавить, но в дверь опять позвонили. Зашел мужик, как оказалось, сутенер; он закатил речь, в которой не было знаков препинания и полов, только гендерные принадлежности. Мужик рассказал, что везде бывает, где педерастия, педофилия и скотоложство, и везде он призывает к главному завоеванию нынешней жизни – толерантности. Слав понял, что это был настоящий, официальный сутенер, работа его была почетной и востребованной, а цели понятны – создание лучшего настроения у страждущих. Сутенер закончил речь во здравие и завел девочек. Похоже, лампочку в прихожей поменяли, и картинка стала четче. Товарищ пытался не повторять ошибок и крепился, но явно одна ему понравилась сильно. Он, приобняв ее за плечи, повел забороть на дерматин. Слав предпочел остаться наедине с Петровной, они налили по рюмахе, и она, явно смакуя, продолжила тему о молодом и красивом и о своей, как она выразилась, сверстнице. Оказывается, он регулярно сюда ходит, а бабушка-сверстница удовлетворяет его в зад специальными игрушками. Петровна порывалась показать их, но Слав отказался. Конечно, зачем же молодцу куда-то ездить, да еще и целоваться, кому же это надо? А в этом чумном бараке предоставляли не только угол, но и сервис с инструментарием.

Опять позвонили; блеснув лысиной, в квартиру, как всегда энергично, но по-простому, заскочил Вовчик. Он был не причесан и немного помят, но явно с новыми, интересными предложениями. Он сначала взял шампур с шашлыком, но потом, передумав, поменял его на рюмку. Выпил и присел отдохнуть от трудов праведных. Как обычно, первое, что он начинал делать, появившись у Петровны, – это дронить Петровну, что у нее нет приличного контингента, да и вообще скучно. Он давил на ее профессиональную гордость сводницы и содержательницы притонов. Та обычно возбуждалась и кидалась к телефону обзванивать все блядские конторы, чтобы что-нибудь предложить под пристрастия Вовчика, что вообще-то было совсем непросто, но сервис требовалось обеспечивать. Вовчик затащил из прихожей свой мешок, набитый бутылками и закусками. Теперь стало понятно, что они застряли тут надолго. Но Вовчик лукаво сообщил, что сегодня собирается на великий бой гладиаторов без каких-либо правил, и их с собой берет – билеты с собой, в кармане. Но, так как времени до мероприятия еще много, он намерен шевелить Петровну, и она шевелилась. Из соседней комнаты появился большой товарищ, который в этот раз был наглухо застегнутый и кислый – девушка оказалась так себе. Петровна, беззубо закусывая, сообщила, что нашевелила фирму досуга со спец контингентом. Ждать пришлось недолго, спец контингент появился полной обоймой: восемь жриц жались в темноте прихожей. Какую будет Вовчик, угадать можно было с первого раза: она была на две головы выше остальных, и ее груди вылезали из-под кожаной оранжевой куртки. Вовчик не мог изменить своей природе хищника и, еще ужавшись в своем физическом теле на ее фоне, повел осчастливить. Большой товарищ решил еще раз попробовать и как-то незаметно забрал самый крайний патрон из обоймы. Слав опять остался грустить, вчерашняя поездка переломала весь его режим, он пил и все же пытался вспомнить, где был и с кем там общался. Водка «Прелюдия» была, как и всегда, вкусной, но торкала всех по-разному. У Петровны уже появились слюни на редкой растительности подбородка, и она с трудом, медленно, но еще моргала. Пытаясь сотворить ужимки на лице, начала уже не в первый раз речи о том, какая она была красивая, и как такие, как Слав, за ней убивались; как ей нравится ее работа и они, за то, что всегда наливают и вежливы, не в пример другим бандерлогам. После этого сложного слова она прихрапнула. Вернул ее в реальность большой друг, он опять громогласил, – значит, у него

все получилось. Девочка в этот раз была хорошая, но только опечаленная, по его словам. Он привел с собой опечаленную, которая стала сама себе наливать и большой ложкой закусывать паштетом из свиной печени. Зашел Вовчик в трусах, взял бутылку и две рюмки, и, полный важности и таинственности, удалился. Позже было слышно, как он о чем-то шептался со своей дюймовочкой в прихожей. Бронебойную обойму полным составом повезли куда-то в другой блиндаж. Петровна ушла сидя спать в свою кухню-конуру, твердо сообщив, что она всегда на связи.

Будучи еще на ногах, товарищи решили ехать на арену. Хотя по времени до главного боя еще далеко, но там никогда не бывает закрыто. Для общего протрезвления они открыли все окна в такси, холодом так и взбодрило. Проехали мимо красных стен резиденции правителя, кругом – древние могилы: то ли кладбище у стены, то ли та стена на кладбище, спяну и не разберешь. По обе стороны стены проглядывались Абассы.

Добрались до арены, она была огромной – одно из мега-сооружений этого времени, когда все обнулили. Все подъезды были перегружены машинами и волчьими стаями. Внутри полно зрителей, под куполом туман в ярких бликах подсветов. До главного шоу вечера публику развлекали женскими схватками, там бились тоже без правил. Среди публики, похоже, трезвых не было. Пили прямо здесь, закусывая из здоровенных ведер с жареными ребрышками. Женщины за канатами, тощие и костистые, по очереди душили друг друга. Одной, что была в синих трусах, ловко удалось запрыгнуть противнице на голову и ловко пережать ей горло ногами. Та, в судорогах, выгибалась, жалобно выпучив глаза, но не сдавалась. Публике это все очень нравилось, разноликая масса прыгала, визжала, кидала на сцену свиные объедки и пустые ведра с бутылками. Судья тех женщин растащил с большими усилиями; у придушенной ртом текла кровь, но она так и не сдалась. Почему-то все хаяли судью и требовали его на мыло. Победенная осталась на полу, а победительница по прозвищу «Щитомордник» бегала по рингу, запрыгивая на канаты. В финале она сняла с себя трусы и майку, забросив их далеко в толпу, да так и удалилась по длинному проходу, виляя своим худым копчиком. Другую же утащили на носилках. Зрителям было страшно весело. Потом прискакали музыканты неопределенного пола и исполнили две популярные песни, одну про сосущих, вторую про лижущих. Аранжировка была самая что ни на есть современная. Потом был бой толстяков, – на этой арене действия продолжались сутками, прерываясь лишь на уборку территории. Подбежала обслуга, друзья пожелали, как все, водку и ведро закуски, что было незамедлительно исполнено. После толстяков вышла дама, и тут наш Вовчик потерял покой. Дама-то была во всем огромная, но не толстая, она поднимала тяжести, которые подручные ввосьмером еле затягивали на площадку. Этот немислимый вес ей тяжелее всего было протащить через груди не одного ведра наполнения. Вовчику страшно захотелось приключений, он истерично замахал руками, подзывая обслугу. Написал записку и отдал ее для передачи понятно в какой адрес. Чувства вспыхнули внезапно, так и есть, каждому свое и каждому по потребности. Ведущий вечера пригласил желающих из зала побороться с этой дамой, чье имя было Мамонт. Из огромного зала нашлось всего двое, первого она сразу сбила подсечкой, второй после подзатыльника провалялся минут пять, потом начал истерично отмахиваться руками и ногами, хотя на него никто не нападал, а потом скатился с помоста и убежал в зал. Мамонт ушла непобежденной. Потом ведущий сделал другое предложение – поплясать на ринге, тут уж желающих было не счесть. Все кинулись исполнять танцы сытой радости. Кому не хватило места в ринге, вскочили на сиденья и стали извиваться и подхрюкивать. Туману прибавили, музыку усилили до громкости в никуда уже, да плюс барабаны вживую заиграли. Вовчику принесли ответ, он расцвел розовым цветом и поделился содержимым: -Оки, во сколько и куда приехать? Целую везде, Мамонт. Слав спросил: – А если она волосатая? Вовчик не обиделся и ответил пьяно, но вразумительно: – Лишь бы без хобота.

Объявили перерыв для подготовки основного мероприятия.

Волки сидели, задрав морды, и облизывались на летящие высоко косяки птиц, а тем, верно, была совсем неинтересна эта жизнь внизу. Туман чуть вздохнул, и небеса закрылись, деревьев и травы не было, все давно высохло и истлело, растения не могли быть вплетены в гнездо, их нельзя было ни искусить, ни оскотинить, да и без солнечного света они жить не могли. Всегда существовало заблуждение, что человек за какие-то блага мог продать душу, только душа ему давалась Богом и использовать ее в чью-то пользу никто не мог. Лишь своей греховностью, как инструментом, он мог изгнать душу, и она вместе с астральным телом воспаряла, а физическое тело уже не могло жить в человеческом облике. Гнездо требовало живых, обездушенных тварей, но в людском облике. Это они, обряженные в человеческую личину, встретят вышедшего из-за стены Сатану, и будут всем примером его почитания и поклонения. Здоровый дух – не всегда в здоровом теле, а любое тело может быть без духа.

Обслуга бросилась убирать бутылки, кости и картонные ведра с красивой надписью: «Служить, чтобы радоваться». Пройдет время, и надпись будет звучать по-иному: «Поклоняйся, чтобы жить», но кто же это поймет, когда будет стопроцентно не от мира сего?

Вовчик начал допытываться, что будем делать после зрелища и куда двинем. Ему надо было определяться с координатами для встречи с дамой. Большой товарищ сказал, что ему по барабану, так же, как и Славу. Совещались недолго – давно не были в клубе «Радость в наготe». Было понятно, что им сегодня быть в обществе дамы, которая ногтем ноги поднимает гири, а о голову ломает кухонную утварь.

Приготовления заканчивались, тачки с костями и бутылками вывезли, растащили новое меню и подпустили тумана. Все томились в ожидании главных героев и отоваривались водкой с тележек в проходах. В новом меню были копченые свиные уши и кровяная колбаса. Врезали, закусил ушами и кровянкой. В ближайшем углу забили барабаны. Грохот был такой, что пломбы из зубов могли запросто вывалиться. В проходе нарисовался первый боец под афишей «Черный тигр». Он был широк, на ногах короткий и со здоровенными кулаками. На его голове был медный шлем с одним, сияющим смертью желтым глазом и огромными, назад загнутыми рогами. На ногах сапоги-ботфорты, волосатые и вроде как с копытами. Он орал во всю глотку, явно пытаясь заглушить барабаны, что на секунды ему удавалось. За шлемом не было видно лица, да и нужно ли оно было в таком наряде? Он шел по проходу, тужась и надуваясь; по ступенькам забрался на ринг, приплясывая на копытах и виляя бедрами. Публика его явно любила, видно, были известны его заслуги. Они орал тоже несладко, выкрикивая его сценическое имя, но тут же вострепнулись от грохота в дальнем углу. Там, из бутафорского пламени, явилось видение «Черного льва» – любимца женщин и восхитителя мужчин. Было плохо видно, но он тоже был с рогами, которые вилами Аида торчали из его шлема. – Был он в черном в звездах халате и сверху накинутых, по всему видимо пудовых, цепях. Еще прибавили туману и красного света, который, прорываясь сквозь белые клубы, кровавыми всполохами отражался на ристалище. «Черный лев» тоже пролез на ринг под визг, клочок и хрюканье накаленной публики. Их начали разлатывать, готовя к схватке. Это не секс, тут двое не кайфуют, кровь должна быть пролита, и один должен быть жертвой. Ведущий во фраке, с благообразной прической призвал всех налить и выпить за правителя и зрелищ. Все вскочили с мест, выпили и закусил. Раздетые и босые, без рогов и копыт, бойцы все равно выглядели хищниками. Обличьем лиц они были похожи друг на друга. Типаж. Головы были чисто бритые, узкие лбы, черные бороды и близкие к квадрату овалы физиономий. Насупленные питекантропы, страшные, но популярные. Тот, что толще, был бледен телом, которое густо поросло рыжими волосами, другой – повыше и темнее, трусы у него золотые, и скалился он пошире. И сошлись

титаны, рефери чудом успел отскочить. Они набычились, схватили друг друга за руки и уперлись лбами. Вроде как еще дали света, бойцы ярче заблестели, а публика билась в экстазе. Ну, точно – угар в мешке с ацетоном. На ринге катались по полу, душили, выдавливали очи. Один изловчился и вцепился оппоненту зубами в кадык; но вот они опять на ногах, изрыгают проклятия и шмыгают носами, затирая кровь. Все благородно и по-спортивному, похоже, пока между львом и тигром паритет.

Вовчик предлагает отвалить к другой сцене с голыми красотками. Оставшись до конца, рисковали очень долго разъезжаться среди пьяных и накаленных водителей. Выпили, съели еще по пол-уха и двинулись. На улице рано, по-осеннему, вечерело, с неба мелко сыпало, и было холодно. Волки лежали на обочине, слегка присыпанные дождем. Глаза их были доброжелательны и почему-то сытые, а волки ведь сытыми не бывают.

«Радость в наготе» была недалеко, это был клуб очень популярный и посещаемый. Там сначала подавали показ одежды, а потом дефиле без одежды. Девочки все были пронумерованы, их потом по номерам и пользовали гости. А те сидели за столами и занимались обычным делом: пили и закусывали. Большой зал, круглая сцена. Друзья уселись за стол, уже сервированный, но без ушей и кровяных колбасок, сегодня на закуску было сало, холодец и тушеные свиные потроха. На сцене мальчики с номерками трясут худыми попками, их тоже разбирают под бабий визг и вздохи мужелюбов, но с теми уже все шло к финалу. Девочки уже освежались в раздевалках, складывая в сумочки заветные коробочки, к вечеру, как правило, уже не пустые. Здесь же, рядом, в отдельном кабинете кряжистый мужчина с лицом земляничного цвета и грубыми рублеными чертами лица нависал над девушкой, напористо ее инструктируя. Девушка с огненными волосами была очень хороша собой и сегодня должна была первый раз работать в числе многих распорядителей этого клуба. Сначала ее рабочие обязанности объясняла кучерявая высокая барышня, а потом этот мужчина вколачивал в ее голову слова, которые она должна говорить тем, кто будет помогать. Они такие: – Если вы согласны быть сегодня седьмым в очереди, то я с радостью. Ей все это было непонятно, но она со всем соглашалась. Было непонятно, кто она сама, и где она, и откуда у нее имя, которого она никогда не знала. Просто она в этом дне, и все. Из своего времени, от тех, кто ее любил, ее украла та самая Ламия – демон, проглотивший собственных детей. Имя девушке дали Виктима.² Она из города семи холмов, из рода Данова, рода, чья праматерь восседала на звере багровом, на берегу Евфрата, но потом была разорена, убита, изжарена на огне и съедена.

И вот, к столу наших друзей подошла рыжая красивая распорядительница и поинтересовалась, все ли гостей устраивает, и чего еще они желают. Слав не очень трезвым голосом пожелал быть ее спутником жизни, на что она ответила, что если он согласен сегодня быть седьмым, то она с радостью будет.

Чего было не увидеть в местном коммунизме, так это беременных, стариков и детей, но матерями по желанию могли и быть какое-то обозначенное время, только матери не имели своих чад, а те, с которыми можно было общаться, при каждой встрече были разные, но неизменно называли женщин мамами. Откуда брались эти дети и где росли – неизвестно. Мама стала предметом универсальным, и, собственно, ненужным, а папы в этих спектаклях и вовсе не участвовали – они растворялись в бесконечных событиях и, оставаясь с собственным фейсом, перерождались по воле хозяина. Не было ни привязанностей, ни национальностей, ни наречий.

² Виктима – жертва.

Захотелось на закуску языков, принесли. Вовчйк, ответив на звонок, заметался. Мамонт уже на подъезде, он кинулся встречать в страхе, что ее перехватят и уведут. Похоже, там возникло серьезное чувство. Большой товарищ был собран и напряжен, будучи погруженным в модельно-цифровой ряд. Девочки под томную музыку современных авторов, голые, выплывали на сцену. Большой друг все же первый-то углядел, он пихнул Слáva, чтобы тот обернулся. По проходу шел сюжет: то были Вовчән с невестой. Она обнимала его за плечико, и оттого его лысая голова попала точно в уровень груди, но самого маленького объема. Очень удачно его голова имитировала третью грудь, оттого вся картинка была выше всяких похвал. Мамонт оказалась совсем не противной и не страшной, огромной, но очень даже пропорциональной, с милым лицом, и, ко всему, еще и молодой. Ясно, что при виде ее многие испытывали трепет, но Вовчйк был не робкого десятка и умиленно прижимался к ее объемам. Он нас сразу уведомил, что на этот раз у него все серьезно. Они сидели и обнимались, скрипя стульями; витал легкий туман, и было очень хорошо. У Мамонт в ночь было еще не одно выступление, и она спешила осчастливить покоренного Вовчйка. Они уединились в номерах, мебель в них, видимо, останется инвалидкой.

Большой товарищ все время пучился на сцену и записывал номера на бумажку, потом одни вычеркивал, другие записывал и вновь вычеркивал, искал свое. За столом справа два мужика долго целовались, а потом начали возбуждать причинные места, но каждому свое, главное – комфорт. Музыка перешла в пороссячий визг, туман густел, девочки на сцене энергично махали ляжками. Тут позвонил Вовчйк и доложил, что у Мамонт есть еще немного времени, и она хотела бы всей команде показать силовой стриптиз. Слáv пообещал прийти, но обманул. Большой друг все целился на сцену и черкал бумажки, а Слáv побрел на такси. Он весь вечер тужился вспомнить, у кого и в каком помещении мог видеть ту чайную пару, не давал ему покоя вояж на 666 километр, очень ему хотелось знать ответы. Он ехал и приехал, и глазам своим не поверил: у дверей сидел кот без имени и выжидающе смотрел на дверь. И только в квартире Слáv увидел приклеенную скотчем на шкуру кота бумажку «Имя его – Агас». Вот у того и имя появилось.

Лег спать, и только первый сон начал подкрадываться, как во внутреннее ухо зазвонил телефон. Голос Вовчйка дребезжал где-то далеко, в такт сопровождения какого-то музыкального наваждения. Спросонья он понял только одно: что у того трубку из рук вырывают. На том конце была та самая рыжая, она извинялась, что не оказала ему внимания. Она сама позвонила, а ему захотелось повыебываться, и он исполнил, рассказав, в каком виде хочет ее видеть. Кот внимательно вслушивался, а картинка вырисовывалась такая: коли она рыжая, то она должна быть наряжена в красный блестящий комбинезон и в такие же сапоги с высокими каблуками, и с красными же губами и ногтями. Она выслушала, сказала, что постарается и передала трубку Вовчәну, тот начал что-то трепать про силовой стриптиз, но Слáv выключился, быстро заснув. Кот какое-то время еще наблюдал за ним, ковыряясь в зубах самым мелким когтем левой лапы.

Кот Агас запрыгнул на подоконник, открыл окно, верные волки лежали внизу. Ночное освещение теперь было принято не сверху, а откуда-то из подвалов домов. Кот спрыгнул с третьего этажа на асфальт и обернулся Агасфером. Теперь у него должность приглядывающего. Когда его подопечный уходил из дома, кот оборачивался в свое человеческое естество, мылся и справлял нужду, а мясо из миски выбрасывал в окно волкам, те были очень благодарны, вылизывая асфальт. То мясо себе принесла для еды демон Азалия, которую подопечный сам привел в дом, и мясо было человеческим. Подопечный скоро станет сам его употреблять, когда будет готов к искуплению страстей и выполнению роли в сатанинском акте. Роль его – роль псевдоотца (Антиобручника), и он будет рядом со шлюхой, которая родит Антихриста. Ага-

сфер отправился в ночь – прогуляться и поесть пищу человеческую. Ту бумажку он сам себе приклеил, надоело ему слушать кис-кис, а представляться в своем облики команды не было.

Слáv проснулся, но глаз не открывал, в квартире было холодно, а в голове помойка. Все сны перемешались и лишь обрывками проплывали в каких-то багряных раскрасках. Опять подумал про свою чайную пару, то был Дулевский фарфор с ветками цветущей сирени, это был привет из двадцатого века. Вспоминалось, что видел он пару где-то за чужим столом, но более ничего не прояснялось. Зато вспомнил имя вчерашней рыжей. Сегодня на нее, да и на всех рыжих, отпишется злобой, но правдивой жалобой. Он вынул руку из-под одеяла, щелкнул пальцами, заработал телевизор. Их сейчас рисовали, приходил некто, и на выбранном тобой месте на стене рисовал квадрат или что захочешь, и в этом квадрате по щелчку пальцев работала картинка. Денег за это не брали. В это утро тучный ведущий конкурса задорно хохотал, выявлялся победитель на звание полового члена, больше всех похожего на ветерана войны, в шрамах и покусах. Лауреаты получали известность и награды. Окно было почему-то неплотно закрыто, оттого и холодно было в квартире. Кот лежал в углу и шерился. Слáv достал банку с консервами для него, разглядел банку, прочитал надпись на ней «Эта еда для всех, но сегодня не для тебя», выложил содержимое коту Агасу, тот никак не прореагировал. Так было каждое утро, а к вечеру тарелка была чиста, как помытая, значит, все вылизывал кошара. Куда он гадил, было и вовсе непонятно, но кот был чистоплотный. А он не стал умываться, с утра не хочется, так и зачем?

Выходя на улицу, он с собой прихватил еще одну банку, предварительно ее открыв. На улице все волки в зоне видимости кинулись к нему, банка жалобно дважды хрустнула и пропала в чудовищных пастях милых собачек. Волки благодарно потерлись боками о Слáva и отправились по своим волчьим делам. Он посмотрел на свои окна, за стеклом на подоконнике сидел кот и мыл рыло. «Видно, успел позавтракать», – подумал Слáv. Он пошел, как и планировал, и уселся на скамейку, ожидая. Кругом шныряло население, никто не спешил. Были еще пьяные и уже пьяные, но все были веселы и доброжелательны. День был холодный, но безветренный, знамо наш день, туман лежал ровно и надежно. Когда ветры, было худо, подкрадывалась общая грусть. В такие дни все сидели по домам, тупо внимая телевизору. Но еще сбивались в больших развлекательных центрах под обширным затуманенным куполом. Там было комфортно. Содержание приносили раз в неделю, которая теперь состояла из шести дней, воскресенье давно отменили, так же, как и поменяли летоисчисление. Теперь каждый знал: в день четвертый, ровно в 10 часов приходил посыльный кассир в тюбетейке и зеленом мундире и приносил новую пачечку бумажных денег.

Сумма долга Слáva была равна сумме месячного содержания. Там, где все продавалось, продать было нечего, но это так только казалось. К нему подошел здоровенный волчара, сел напротив, потом лег набок, с ним явно было что-то не то. Тут же подъехал на такси Вовчйк, как всегда бодрый и с рассказами о впечатлениях. Волк лежал на боку и слюнявил. Присмотревшись, Слáv увидел какую-то бечевку, свисавшую из пасти. Они вдвоем присели на корточки и начали разжимать болезному пасть. Верхняя челюсть была как гильотина, волк слезающимися глазами глядел на них, и благодарно покорно разомкнул зубы. Шнурок тянулся из чего-то явно металлического, врезавшегося в верхнее небо. Слáv запустил руку в пасть и начал раскачивать железку, она понемногу поддавалась, тогда он взялся за бечевку, и резко рванул. Из пасти вылетела металлическая пластинка. При ближайшем рассмотрении это оказалось нателным крестиком с чьей-то преступной шеи. Крест положили на скамейку и позвонили куда надо. Те махом приехали, заглянули в пасть волку, упаковали в специальную коробочку находку, оставив друзьям два талона на бесплатную выпивку сегодня. День начинался удачно.

Агасфер бродил по улицам; ночь была холодная, осень уже совсем закатывалась в зиму. Все ночное население толкалось, удовлетворяя свои похоти и потребности, под затуманенными крышами. Волков тоже не было видно, в это время суток они выполняли свои главные обязанности чистильщиков. То тут, то там пробегали, пролетали и проползали коллеги Агасфера. По темноте эти мелкие прислужники с прилежанием исполняли отведенные им роли. Все разворачивалось в активную фазу, но были и проблемы. Проблемой были те, кто пытался тайно каяться. Если хотя бы один такой будет в районе гнезда, задуманному не свершиться. Зовущих надо было истребить. Очень помогали жалобщики, которые давно превратились в предателей. Они доносили на своих близких, через них осуществлялось постоянное онлайн-присутствие.

Агасфер дошел до реки и присел на лавку. Дело было уже к утру, для волков это час омовения. Река была необитаемая, рыбу объявили врагом всего нового и быстро извели. Проплывающие льдинки незвонко стукали друг по другу. Из окружающей тишины повеяло теплым дыханием и зловонием. Это стая волков гнала их впереди себя. Они с разбега ухались в воду, через какое-то время выбирались на берег, вместе с водой стряхивая с себя остатки человеческой крови. А те из них, кто обожрались, подолгу лакали воду. В темноте глаза зверей горели красными углями адских жаровен. Придет время, и Асмодей заберет свой легион, но они еще будут являться на землю, только на двух задних лапах, а передние прорастут огромными когтями.

Дьявол раскручивал третью попытку прорваться и воцариться в образе Антихриста. Первый раз он поставил на гордыню и алчность, второй раз – на зависть и гнев, оба раза не смог набрать нужное количество скотских рож и проиграл. Теперь он раскручивал лень, чревоугодие и похоть. Уже сейчас было видно, что это удачный ход. Люди быстро становились бывшими, продаваясь за жратву и скотские игрища. Популяция росла, халява делала свое дело. Он выйдет из-за красной стены и с крыши мраморного саркофага провозгласит свое пришествие. Потом двинется по тверди земной, и пойдут народы к нему в услужение.

Вот это денек выдался: мало того, что получили на халяву бесплатное питье во всех заведениях, еще и в кофейню зашли, а там новости – цены на все значительно снижены, а также озвучен размер прибавки к еженедельному пособию. Как не восхищаться и не восхвалять правителя? Слава ему и вечное правление! Налили за него, родного, выпили и закусили холодным заливным мясом. Еще раз – под горячую похлебку, жирную и острую, аж зашибло. Слав рассказал, что с утра отжаловался на вчерашнюю рыжую мадам, которая ему предлагала быть седьмым, но неожиданно Вовчик его не поддержал, что тот отказался от услуг рыжей быть седьмым. Так как число семь является числом сакральной полноты. Слав был сражен: ну и денек, еще и Вовчик с утра на почти трезвую голову умничает. Внутри прямо затеплело, и все уравнилось. Он уже и пожалел, что отжаловался на рыжую: что-то было в этой барышне, чего он никогда не видел и не чувствовал. А мысли о собственном долге растворились в соусе к колбаскам. Надо было чем-то занимать себя сегодня. Вовчик предложил поехать к толстым, – было такое шоу девочек-толстушек. Большой товарищ не брал трубку, похоже, ночью у него случился-таки загул с моделями, там были хорошие варианты, но все с четными номерами, что странно. Слав попытался выпытать у Вовчика, что ему вчера преподнесла малютка Мамонт в том загадочном силовом стриптизе, но тот таинственно мычал, цокал языком и закатывал глаза, было одно лишь понятно, что Мамонт – это звездица! Она еще, оказывается, была и массажисткой по женским телам, к которым была еще и очень пристрастна. Похоже, Вовчик был окончательно очарован.

Шоу толстушек было вкупе с казино, где народ просиживал за рулеткой. Этот прибор в нынешнем обществе был очень востребован – стол, покрытый зеленым сукном и прочерчен-

ный на пронумерованные квадраты, а номера в сумме были цифрой 666. Толстушки плясали на низенькой сцене, одетые в короткие клетчатые юбочки и с большими декольте. По заказу гостей бегали за шторку за сценой, где и отдавались энергично и с большим чувством. Проходняк был хороший, и их коробки пустыми не бывали. Друзья упали за стол, который тут же сервировали: водка в корзинке со льдом, хрустальные лафитники, мясные рулетики и маленькие керамические горшочки с горячим. Жрать уже было некуда, но жралось. Толстушки даже на здоровенных каблуках выглядели мелкогато, но аппетитно. Они были включены в меню с прописанной ценой, а для постоянных гостей казино бесплатно. Но если судить по виду постоянных гостей, то им было совсем не до услуг милых толстушек. Они были бледными от недосыпания, все время пьющие за тем же игровым столом между проставками фишек, пока шарик скакал, отбивая дробь по колесу. Пили, но глаза от колеса не отрывали, пауз на отдых не было, как и дневного света. Народу было много, а воздуха мало: привычный туман подпирали неподвижные слои табачного дыма. Большой любитель приключений Вовчик и то не решился влезть в этот блуд, что рождал страшную зависимость, долги и безразличие ко всему остальному миру.

Толстушки пели и приплясывали, синхронно трясая грудями, а переворачиваясь, в согнутом состоянии, показывали толстые задницы без трусов. Бесплатной водки хотелось выпить много, из жадности, конечно. Вовчик пошел влюбиться в клетчатую юбку, но быстро вернулся в явном неудовольствии. Прибежавший администратор сказал, что они могут не включать услугу в счет, если не понравилось, вычтут из жалованья провинившейся, которая вновь приплясывала в строю, потрясывая своими телесами. После Мамонт Вовчику было как-то не очень. Может, пригласить ту в спутницы жизни? В сегодняшней реальности не возбранялось жить вместе и вести хозяйство, только было условие, что это совместное проживание исключало какие-либо ограничения в свободе сексуальных действий. Даже намек на такие ограничения был предметом жалоб и серьезным проступком перед правилами общества, обеспечивающего высокий комфорт жизни. Вот так: если не хочешь быть седьмым, то хорошо, если будешь еще семнадцатым. Но со спутницей жизни всегда был шанс быть сегодня первым, сделав все с утра. Под звуки прыгающих по рулеточным колесам шариков они выпили еще. Позвонил большой товарищ, оказывается, он только отчаливает из того модельного клуба. Похоже, что он не только с четными пообщался, но и с нечетными тоже. Сейчас едет спать, пока не может присоединиться. Он явно был очень доволен. А у них появилось желание уехать в другое место: как-то с толстушками не очень покатило.

Виктима опять в той же самой отдельной комнате. Напротив нее за столом сидит такая же, как она, рыжая и очень красивая девушка с блестящими желтыми глазами. Она почему-то грубым мужским голосом говорит ей, как она теперь будет жить, где и с кем. И только в квартире Слав увидел приклеенную скотчем на кожу кота бумажку «Имя его – Агас». Скоро она проснется в темноте среди тысячи наложниц князя Владимира Святославовича. Тот был побежден похотью и ненасытен в блуде, он приводил к себе замужних женщин и растлевал девиц. Он и в веру Христову обратился за выпивкой и обжорством.

– «Быть тебе там среди тысячи первой шлюхой в продолжение года, а через год будешь в Византии, откуда пришла вера в Киев. Там, где процветали скверны блуда и распутства мужевлечения. Там, где правители распалились гнусной похотью к отрокам и скопцам и оскверняли до трехсот душ этим мерзким грехом. Будешь и у Императора Константина IX Мономаха, у которого в фаворитах «сладкие мальчики», станешь там первой среди шлюх и мужелюбов, и пробудешь там год. Потом окажешься там, откуда принесли закон, станешь жить среди кочевников-скотоводов Авраама. А когда появится слово «блуд», объявишься первой блудницей и растлительницей, и войдешь в храм жрицей. В тот храм, где поедание мяса – акт богослужения. Там пробудешь год, потом вернешься сюда, к своему главному предназначению.

Три года тебя будет хранить Ворон», – Азалия закончила, это была она – Эйшет, покровительница похоти и хранительница нечестивого Грааля.

Виктиму отдавали демоническим силам, она кивала головой и соглашалась, ничего не понимая. Ее уже здесь два раза кормили очень невкусно. На улицу выходить было нельзя, с ней все время находился ворон с клювом убийцы, волки его панически боялись, и нападать на девушку в его присутствии не могли. Его клекот заставлял их пятиться и разбегаться в паническом ужасе. Волки тоже жить хотели, а тот клекот и был голосом смерти для всех, кто жил, дыша. И на пшеничном поле прокаркали вороны художнику, и он выстрелил себе в голову.

Решили ехать в апартаменты и просто оторваться. Поехали не к Петровнѐ, а в место под названием «У вертолета». Откуда взялось это название, никто не знал, но место было вполне популярное. Местная домоправительница была возраста Петровнѐ, но с бородавкой на носу, и потому выглядела противнее. Она ежеминутно курила и беспрерывно сквернословила. Там стало понятно, что Вовчику никто не понравился, и он умчался к Мамонт. Слѧв, напротив, напился до краев и обожрался так же, и, сделав четыре захода на дерматиновый диван, уехал спать. Он спал, а кот Агасфер лежал в углу, положив голову на лапы, и по-стариковски бубнил себе под нос:

– «Неведомо этому обожравшемуся и блудливому, что ему уготована роль Антиобручника, и скоро придет демон и оседлает его. Это случится, когда тот пойдет и оплатит долг, который демон ему и сочинил. Заплатит и изгонит из себя остатки человеческого, когда согласится признать грех добродетелью и заявит об этом».

Одно цеплялось за другое и свивалось в гнездо. Агасфер знал, что Антиматерь Виктиму отправили в путешествие, купаться в блюде и прославляться в нем. Это там пройдет три года, а здесь всего три месяца. И когда она вернется, ему придется ее опекать, ибо не было здесь больше никого, кроме него в облике человеческом, с памятью и прошлым. А она должна быть только в облике человеческом, иначе снова родится сущность облика демонического. Через три месяца его сегодняшний подопечный будет уже исчадием и встанет в свой ряд, а там за ним другой присмотр будет уже. К началу второго весеннего месяца все должно быть готово.

Слѧв проснулся от урчания голодного живота, посидел на унитазе, умываться не стал, хрюкнул на свое отражение в зеркале и стал собираться. В сегодняшних снах кого-то вешали и разрывали на части, кололи вилами и жарили в огне, но Слѧву никого не было жаль. В дверь позвонили, сосед, всегда домашний и невыбритый, спросил какой сегодня день. Слѧв ответил, на что тот выдохнул:

– Боже мой!

Слѧв закрыл за ним дверь и радостно понял, на кого он отжалуется сегодня. А долг его больше не тревожил, вчера все разъяснилось: в его, теперь совсем уже не ясно сколько прожитой жизни, был эпизод, который он скрывал и которого стыдился. А оказалось, что все это продается, и его делюга стоила ровно столько, сколько ему выставили кредиторы. Он был уже готов все озвучить и подписать, что нужно было для получения тех денег.

Кот Агасфер, сидя скромно в уголке, без труда читал эти мыслишки, то, что когда-то было внутри и называлось стыдом и раскаянием, переварил кишечник вместе со свиными закусками под водку, и слил в унитаз. Слѧв тоже смотрел на кота, в который раз задаваясь вопросом, где тот справляет свои естественные надобности и как так чисто вылизывает чашку. Откуда же ему было знать, что тот мог оправляться только в своем естественном облике, сидя на унитазе, а чашку мыл просто водой в раковине, ибо даже запах того варева был для него отвратен.

В дверь опять позвонили, пришел Вовчйк, конечно же, с Мамонт, которая мгновенно заполнила собой все пространство, разом вытеснив воздух. Она усиленно тянула всех в массажный салон, где сама и подрабатывала. Массаж был в четыре руки, барышни все были под стать ей, с неслабыми руками. Кроме рук к процессу подключались и другие органы, если только руки, то на двоих их было четыре, но если плюс остальные массажные органы, то на двоих их было всего пять + пять = десять. Там и трудилась звезда силового стриптиза – все для вас, женолюбы. Но главной там была знатная хаванина. Прямо на открытых углях повар жарил свиную тушу с отрубленными конечностями. Это действо разгоняло аппетит до и после всеобщего массажа, и укрепляло и без того крепкую потенцию. Слав завывался, ему хотелось чего-нибудь более романтического. Но Вовчан, вторя Мамонт, был очень убедителен, очень уж ему хотелось в четыре таких руки, как у звезды. Больше того, она пообещала, что ее напарница круче ее самой на два размера. Вовчан трепетал от вожделения. Уговорили, поехали.

Агасфер, приняв свое естество, помылся и все остальное проделал. Сейчас он лежал на кровати, вытянув спину, и жевал припрятанное печенье. За свое долгое бродяжничество по странам он, однажды запуганный, а потом предавший за кусок и комфорт, много что исполнил. Он приходил в людском облиии к страждущим власти, делал их королями и восславлял, а потом развенчивал и выгонял на смерть и осмеяние. Его посылали туда, где просили помощи у Сатаны, а таких было много во все века. Совместно с Сатаной он творил узурпаторов и тиранов, лжецеркви и продажных пророков. Много просвещенных лжесвятых были слеплены по лекалам Сатаны. Он писал сценарий для демократических выборов, когда тот самый демос рвал глотки, выбирая первого из равных, а на самом деле надевал себе на шею, как хомут, вождя, который становился бессмертным тираном, больным манией величия. Но Агасферу были любы более тонкие комбинации, когда те, выбранные однажды, обожравшиеся, сами плутовали, похваливая и подкармливая обслуживающую их власть. Нет ничего омерзительнее интеллектуалов, обслуживающих власть. Они пишут оды, снимают кино и вопят из телевизоров, за это их провозглашают элитой того самого народа. У Сатаны для такой «элиты» приготовлены особые номера в его хозяйстве. За свои долгие годы Агасфер видел много неверующих в Бога, но у тех людей, что мало отличались от чертей и демонов, был шанс покаяться, у нечисти же такого шанса не было, ибо покаяние может быть только при жизни. Агасфер же жил, и у него был шанс. Хотя он и привык к такому бытию, но стал все чаще задумываться о том, что придется еще раз встретиться с тем, кого в тот апрельский день он гнал от своего порога.

Таких салонов было два. Тот, в который они приехали, был для женолюбов, а совсем недалеко был такой же для мужелюбов. Разделял их безголовый монумент – Абасс. Он был черный, давно прокопченный запахами дыма и жареного мяса, которое жарилось как с западной, так и с восточной сторон.

Среди большого зала, заставленного столами, стояла большая жаровня. Рядом, на тех же размеров столе лежала туша свиньи, блестя желтой шкурой и жареными складками. У всего этого, с двумя ножами размером с мечи ратников, прицеливался повар – личность колоритная и всеми здесь уважаемая. Вида он был уникального для своей специальности: тщедушное, сильно волосатое тело с впалым до позвоночника животом было лишь на бедрах украшено повязкой из грязной мешковины со свисающими до колен нитками – оборвышами. Цвета он был прокопченного, кучерявый, нос сморщенный, глаза черные и маленькие. А если он ослаблялся, то были видны очень крупные зубы цвета ископаемых костей, еще и торчащие вперед. На пальцах, также обросших шерстью, были длинные, заостренные ногти. Хватка такими паль-

цами явно была смертельной. Он был с кухни Вельзевула, и звали его Зуд. Пьяные, обожранные гости если и лезли к нему целоваться, то он был явно не против, при этом еще хрюкал и гримасничал.

До массажа решили испытать под холодненькое для разминки. А холодненькая «Прелюдия» и нарезка рульки были прямо к месту. Горячее здесь всегда ждали, Зуд кидал на жаровню здоровенные куски, которые мастерски, в один удар, отсекал от туши. Пламя вырывалось из-под жаровни, что там горело, было неизвестно, но жаровня была очень жгучей, и на этом жару шипело и плавилось фирменное блюдо этого заведения. Вовчйка утянули в номера. Слáv остался один на один с «Прелюдией», надо было чуть набраться, он как-то с опаской относился к тем размерам, что так возбуждали его могучего и неутомимого друга Вовчйка. Пару раз замахнул, потом пришла щупленькая девочка и повела его в помещение, уложила на кровать, предварительно раздев, потрогала пальчиком потенцию, и как-то по-старчески шаркая ногами, ушла. И тут из-за ширмы явились девы, огромные, одна в костюме римского гладиатора времен Нерона, а вторая с топором, одетая палачом Средневековой Европы. Вечер обещал быть томным.

И велено было Харону возвратить поэта Алкея, который тенью бродил в Лимбе. Он был призван хозяином в помощь сочинителю, который впал в пророчество и колдовство. Много чего тот сочинитель занес в мир людей. Не всем же было креститься: кто-то должен был чертыхаться, плевать и стучать по дереву. Он принес свои праздники, свои приветствия и свои приметы – все то, что гнало людей мелким шагом в ад. Это когда Прощеное воскресенье превращали в пьяную Масленицу, а покойников на кладбище поминали Пасхальными яйцами. Анашу употребляли в пост, потому что она растительного происхождения, а нечистоты с себя смывали не молитвой Спасителю, а омованиями на Купала, и в том хаосе и совокуплялись. Взяв за основу Евангелиевскую весть, корректировали ее языческими обрядами. Троицу, символизирующую единство Бога, называли «русальной неделей» и общались с мифическими существами. Рождество Христово же стало святками, с нарядами животных и чудовищ при гаданиях на свечах. Сатана кормился от тех, кто отверг весть о Спасителе, или от предавших его и даже не знавших о своем предательстве.

Сколько прошло времени, много или мало, неведомо было голому Слáву. Его удовлетворяли двумя руками и шестью другими отградными местами, и сие только что закончилось. Огромные тела, подобрав латы и оружие, покачивая бедрами, растворились в туманной пелене. Явилась та же девочка, опять же пальчиком потрогала потенцию, одела и проводила в мастерскую повара Зуда. Он подбежал с лопатой, на которой шипел кусок мяса. Столы были заполнены, народу было много, но Зуд везде успевал, благо верткий был как черт. Удовлетворенных было видно, они обжирались с удвоенной силой, а Зуд уже закидывал на жаровню куски от новой свиной туши. Слáv рвал зубами куски горячего мяса, прожевывая, перемежая проглот с водкой. Вовчйк, сидевший напротив, похоже, был переполнен и икал. В головах уже складывалась мозаика дальнейшего времяпровождения.

В творениях того поэта Агасфер тоже участвовал, но, как бы в подмастерьях. Был он и в создании мест проживания людей: мавзолеев-гробниц, оккультных сооружений человеческих жертвоприношений. Они возводились и служили фактором подавления христианского сознания. Лежащие в них новые фараоны использовались для оккультных нужд. Та гробница, с которой Антихрист должен был заявить о себе, была выполнена в виде пирамидального Зиккурата

– сооружения Древней Вавилонии. Пока его проектировали и сотворяли, Агасфер, по велению демонов, был очень близок с Янкелем Гершелем, и все было исполнено согласно демонским проектам и предписаниям. Иногда Агасфер был рядом с ним, а иногда – и самим Янкелем Гершелем, и еще Янкелем, только Розенфильдом. В XIII веке для приговоренного к смерти монаха он за ночь на шестнадцати ослиных шкурах написал «Кодекс Гигас», но потом вернулся, чтобы вырвать из текста восемь самых главных страниц с изображениями хозяина. Всегда было просто с атеистами, которые были уверены, что произошли от обезьян, а потом начали изворачиваться и говорить только об общих с обезьянами предках. Странно, но никто не хотел идти от обратного и увидеть, кто произошел от человека. Чей человек прародитель? Кто является лучшей биологической моделью человека и, социально-культурно, очень даже сходной? Кто имеет те же проблемы, что и люди: лень, обжорство и чрезмерное стремление к комфорту – свиньи. Ни одна обезьяна не превратится в человека, но очень многие «человеки» превращаются в свиней, только последняя стадия этого оформления происходит не в мире людей, а в стаде сатанинском. И только вершина физиологического совершенства – кисти и стопы, еще долго не будут меняться. Большая их часть шла в пищу чертям. Сравните свинью и черта – найдете много общего. Так вот и раскручивалась на этой земле эволюция. Все на этой земле от человека, включая обезьян. Только человек от Бога. С рождения Он дает людям лица, всегда разные, но все человеческие. Если кто-то наживает себе рыло, тому Бог и судья. Один творец дает человеку лицо, другой сотворяет рыло, и это делает вовсе не дьявол, а сам человек – творец своей жизни. Создали они науку и прозвучали: научный дарвинизм, научный коммунизм и даже научный атеизм. Потом стали навязывать это всему миру. Господь ждал покаяния, с надеждой всматриваясь в человеческие лица, а те уже обрастали свиной кожей. Тот, отдавший на смерть своего любимого сына в искупление грехов человеческих, надеялся, что та жертва была не напрасной.

Слáv что-то сильно забалдел, только, прикрыв глаза, развалился в кресле, как почувствовал на лице что-то не то смрадное, не то ароматное, щекочущее дыхание. Это был Зуд с явным намерением поцеловаться, его сморщенный нос был в сантиметре от лица Слáva, а на голове вроде как рожки, такие симметричные и ровные. Слáv с ним сладко чмокнулся, тот налил, чокнулись, выпили и зажевали поджаренным хвостом.

Вокруг хохот, хрюканье и улюлюканье, причудливые очертания. У сидевшего напротив Вовчика лысина пошла складками, уши выросли и заострились, а от уха до уха был какой-то оскал, вроде как доброжелательный. Слáv потряс головой и к нему пробился голос Вовчика, тот излагал дальнейшую программу на сегодня. У него явно был ген Колумба, когда постоянно не хватает приключений. У жаровни зыркал глазами Зуд: он точно знал, что эти братцы будут в гостях у стража Цербера, где все чревоугодники разлагаются под дождем.

Куда поехали, Слáv не понимал, но велел остановиться в нужном месте, он был обязан выполнить гражданский долг и отжаловался на «Боже мой». Опять тут народу было полно, все про свое орали. Пройдут минуты, и соседа уже будут колоть нужными уколами, наденут на голову мешок и будут вкладывать туда правильные мысли и образы, а если не получится – утилизируют. Жалобщику от этого должно быть злорадно и хорошо. Отказываться от человеческого было легко и сытно. После поцелуя с Зудом появилась легкость, как будто алкоголь улетучился, освобождая место для новых возлияний, потенция настойчиво стучала, да и пожрать уже хотелось.

Агасфер стоял на маленьком пустыре в окружении четырех рыжих волков. Они постоянно обнюхивали его и ухмылялись. Видимо, когда замыкал свою голубую чашку, плеснул на

штаны. Когда-то, очень давно, на этом месте был маленький скверик, тогда еще были деревья под названием липы. На этом месте стоял человек из камня, отрекшийся от всего, им же содеянного. Он был отчужден и надломлен. Это был тот человек, которому Агасфер рассказывал, а тот рассказывал уже другим. Он с поразительной точностью описал свою собственную кончину. Тот, кто в приступе ярости кинет в огонь свою главную книгу, отрекшись от своего попечителя. Однако, отрекшись, он сам не сможет больше жить, заморив себя голодом, как Дионисий, но, к счастью для себя, он не знал, что рукописи не горят.

Агасфер пнул самого навязчивого волка и пошел с пустыря. Да, то был настоящий писатель с хорошей интуицией и фантазией. Только ни один, даже самый хороший писатель не смог бы нафантазировать то, что происходило сейчас, и что эта земля должна вскорости изрыгнуть. А в общем, он не единожды сталкивался с пытающимися отречься. Когда старик отказался о своей теории происхождения человека, пришлось много потрудиться, чтобы его заявление выдать за фейк, а требования исповедаться и причаститься на смертном одре – за приступ безумия. Агасфер шел к себе домой, где у него были продукты, которые он ел. Надо было постепенно готовиться к встрече будущей Антидевы, она-то прибудет в полном человеческом облике, и другого варианта, кроме как жить у него, не было в этой огромной агломерации с сегодняшним режимом. Он ее ни разу не видел, только слышал голос из телефона, но ясно понимал, что это наследница колена Данова, еще в те времена былинные отвергшего Бога. Он считал, что внешне она должна соответствовать имени безбожной шлюхи. Демоны могли обретать женскую внешность и какое-то время в ней находиться, это были инкубы. Вот с такой сущностью его подопечный и провалился три дня в кровати. Коту-Агасферу все виделось как есть, и его аж выворачивало, когда этот придурок лез с поцелуями к рогатому и горбатому чудовищу – демону Эйшет. Та вставала ночью и жрала эти консервы. У каждого, точно, свой комфорт проживания.

Слáv как-то сразу почувствовал себя состоявшимся и способным на многое; если он не совсем в гавани, то уже подплывает. Вот что значит облобызаться с кем надо и когда надо. Теперь покойников забирают и куда-то увозят, а когда-то их заколачивали в ящики и зарывали во множественном присутствии, пели грустные песни и, думая, что те просто уснули, пили, чтобы те спали спокойно. Вовчик вез его в клуб, где сексом занимались в таких ящиках – гробах; те, кто бывал там, очень хвалили. Называлось это место очень сексуально «Любовь до гроба». Клуб был в оригинальной архитектуре – в виде пятиконечной звезды, в центре зал-ресторация под затуманенным куполом, а в пяти боковых отсеках – номера, в которых на подмостках стояли черные гробы с красотками внутри. Народу было много, много было и дам – любительниц горячих и мокрых мест красавиц, женолюбы были обоих полов, как, в общем-то, и везде. Интрига заключалась в том, что девиц сразу и не видишь, они лежат в закрытых гробах, а как крышки откроешь, тут и познакомишься и сам решишь с какой начинать. Совсем недавно Слáv отказался быть седьмым, а тут уже будет сто седьмым, но его это уже не особо трогало.

Им принесли номерки на очередь и усадили за стол, вроде как ужинать, а ужин был что надо: на холодное мозги и кабаньи яйца, а на горячее – бифштекс с кровью и желудок фаршированный. Играли очень современные симфонии на актуальные темы, и все было высший класс. Вовчик наливал, руку не меняли. Бифштекс был очень кровавой, кровь пузырилась, капала на пальцы и текла по подбородку. Вовчик опять заюзил, ему опять надо было большую, он позвал распорядительницу и попросил присмотреть такую среди гостей в зале. Она недолго отсутствовала и пришла с новостью, что такая есть, но она в компании, однако может дать быстро в подсобке, правда будет еще и ее сожитель. Вовчик в подсобке и с сожителем не захотел, решил дожидаться очереди, подумав, что в гробу будет лучше, чем в подсобке.

Распорядительница подбежала с извинениями, что они долго ждут, но если есть желание разрядиться по-легкому, то пожалуйста. Вовчйка очередь была первее, и он ушел быстрым и бодрым шагом. Недолго – и Слава пригласили. Он зашел в предбанник и разделся. За шторой было сумрачное помещение в виде вытянутого клина, задрапированного в черное и подсвеченное снизу, достаточно прохладное. В центре на постаменте стоял черный, с блестящими боками гроб. По обе стороны от него стояли два таких же. Слава решил начать с левого крайнего. Он отодвинул крышку и откинул ее на помост, в перевернутом состоянии крышка смотрелась очень колоритно, переливаясь белыми шелковыми рюшами и красным подбоем. Там на животе лежала голая барышня, она сразу же приподнялась на коленки, задорно виляя попкой. Только коленями проскальзывала на подстилке, на вытекающих испражнениях гостей-очередников, то же самое было и в правом гробу, только барышня была помельче и проскальзывала более очевидно. А в том, что в центре, барышня лежала на спине, и как только Слава открыл крышку, раскинула ляжки по бокам гроба. У нее тоже вытекало и хлюпало под жопой. С нее он и начал, довольно ловко занырнув. Из соседних гробов торчали поросычьи попки и даже, казалось, виляли хвостиками – крючочками. Слава и под те хвостики занырнул.

Вовчйк уже был за столом. С ним сидела барышня, конечно, не Мамонт, но тоже видная, и уговаривала того на подсобку, ведь они с сожителем уже возбудились, а он тоже очень ласковый. Вовчйк обещал подойти, и та, раскачивая прелестями, удалилась. Выпили, закусили мозгами. Вокруг все визжало и хрюкало, и даже запах появился особый – свиной щетины.

У бродящего по свету Агасфера было много встреч и общения с властителями дум. Он хорошо помнил того пасынка ирландского посланника, который присягнул Сатане за вечную память о своей персоне. Ему сказали, что поэта вспомнят, и его тоже вспомнят, и он купился. Он пришел соблазнить жену и мимоходом убил поэта. Другой любимец муз воспел того, кто «как Сфинкс передо мной, потрясший шар земной». Воспел, и тем самым подписал договор, а потом начал пить и зло огрызаться. Но белая горячка открыла дорогу тому, кто и пришел. И поэт взамен попросил с собой в дорогу тех, кто его любил. Было исполнено. Одна сама лишила себя жизни на могиле, вторая удавилась, а третью пуля нашла в подворотне. Ну а черный человек был не черный, а грязный, и это был тот демон, которого он сам пригласил в белой горячке.

Той, что с именем Божьей Матери, очень искусно и долго помогали, пока она свое хрупкое женское тело гения не пристроила в петлю. И все это было не от сатанинской силы. Это делали ничемные и завистливые людишки, в их числе и та самая красная армянка, которая обслуживала безбожную власть и собрала все премии и ордена режима. Умирающей в ссылке от голода и просившейся хотя бы в посудомойки женщине она ответила, что даже такую работу той доверить нельзя. Это все была не та нечисть, это была нечисть человеческая, которой на земле, возможно, больше, чем в аду. Одна надежда, что Сатана их всех подберет и пристроит, благо, у него еще много кабинетов. А у той, с именем Матери Божьей, и могилки на этой земле не осталось.

Были еще более завистливые правители, готовые погасить все звезды и солнце в небесах, чтобы в одиночестве воссиять. Но имеет пределы терпения сотворивший жизнь. Разве из рук Агасфера первый раз угостился морфием тот, кому был дан дар пророка? Угостился он, пытаясь сотворить себе комфорт проживания, по примеру Лондона и Фрейда; значит, знал, что в конце этого комфорта. Это потом ему уже станет все равно, кто придет к нему, лишь бы с угощением. Ангелы уже говорили с ним только злыми голосами, а черти строили рожи, моргали и казались своими. Он был уверен, что ему есть чем оправдаться, когда оправданий на самом деле не существует. Сотворяя любовь к себе, а затем разрушая ее, сам придешь к Сатане и поклонись. С поэтами всегда кто-то есть рядом, муза редко приходит одна, и бывает, она

уходит, а кто пришел с ней – остается. Ему не надо вступать с тем, кто остался, в спор, надо только молиться, ибо спор всегда будет проигран.

Еще хотелось куража, поехали к Петровнѐ, а там, на диване в кают- компании, то есть в распивочной, в жарких объятиях лизались два мужелюба. Петровнѐ просто сказала, что денег у тех никогда не бывает, и она из доброты пускает их на диван пообниматься. На улице-то уже холодно. Те быстренько позастегивали штаны и исчезли. Вовчик традиционно стал обвинять ее в непрофессионализме, но та плохо реагировала, ибо по какой-то причине была не очень пьяная, верно потому и грустная. Разлили. И тут она, даже не пригубив, начала излагать свою тоску. Оказывается, вчера на нее слепили жалобу, да еще и коллективную, что хуже вдвойне. Жалобщики были не ее постоянники, а какие-то залетные придурки: их было трое мужиков и одна баба. Как они сразу заявили, все они с разной ориентацией, а ей-то какая разница, так она, дура, с ними еще бухать начала. Те присадили ее с хорошей закуской, та и расчувствовалась. Потом баба и двое мужиков пошли в комнату, а один остался. Тут-то все и началось. Здоровенный такой, крепко подпивший, сказал Петровнѐ, что у него пристрастие к животным, он занимается скотоложством. И что оказалось? Петровнѐ все же выпила, почесав подбородок, поросший редкими, но крепкими волосами, продолжила. Тот сказал, что она напоминает ему какое-то животное, и он хочет ее в зад. Петровнѐ начала брыкаться, и те ее обжаловали, обвинив в отказе, а это было серьезным нарушением устоев и правил сегодняшнего общежития. Петровнѐ очень боялась, что ее выгонят с работы, завтра вызывают объявить решение. Вариантов было два: или выгонят, что было более вероятно, или дадут именную коробку, которую она должна будет принести полную через два дня. А где она возьмет?

– Может, тогда вы поможете? – обратилась она к Вовчику. Тот как-то забуксовал, Слѡв его спас, высказался, что подумают над этой проблемой. И вдруг решение пришло к Вовчику: он вспомнил, что у него есть должник, он его пришлет к ней на кухню, пусть она его и доит два дня, хорошо кормит, может и получится. Петровнѐ подбодрилась, сказала:

– Хорошие вы, – и пошла звонить по досугу. В этот раз у Слѡва получилось хорошо, с длинной и жопастой. Та, как ударник труда, махала ляжками, подкидывая толстую похотливую задницу. Ее звали Магда, она очень хотела стать заметной в профессии. Когда уходили, Слѡв подарил идею обратить внимание на мужелюбов:

– Пусть доят друг друга, коль пускаешь бесплатно.

Петровнѐ еще взбодрилась, и все потекло в комфортном русле.

Были и титаны, то был не уровень Агасфера, но и на тех уровнях не все удавалось. Тот великий испанец после пяти лет рабства напишет роман о сумасшедшем путешественнике, где единственным средством побороть любовь было бежать от нее. За несколько дней до своей смерти он постригся в монахи. Смерть его случилась во второй весенний месяц, а на следующий день, в свой день рождения, к нему присоединится великий англичанин и великий драматург. И еще был тот, кто знал, что каждый из нас предан кому-то или кем-то, и, если ему кто-то возьмется доказать, что истина не во Христе, и докажет это, он останется с Христом. Он писал о скотстве и сладострастии бесов, но те бесы жили среди нас, об изнасиловании девятилетней девочки и о ее самоповешении. Хоть он сам был сладострастен и азартен, но для Сатаны он был мало досягаем. Попросил не удерживать и умер в тот же день. А великий русский Лев, который лев-вегетарианец? Христос его любил, это был нравственный авторитет огромного народа, жившего в рабстве. Своими произведениями он уничтожил фундаменты своего же сословия, политическую систему самодержавия и патриархального православия. По его смерти церковь извивалась ужом в попытках пристроиться к великой личности и самим

в том величии не потеряться. И люди стояли у его погребения на коленях, склонив головы, и тихо пели. И не было тут духа церковного, а был дух великой любви. Он написал «смерти нет, а есть любовь и память сердца». А где любовь, хозяин всегда проигрывал, как вступив в спор за душу Фауста. Бог возлюбил того за стремление вечно служить людям и забрал в Рай. Создатель считал, что положительные качества человека сильнее любых пошлых и дурных соблазнов. Он ведь сам сотворил зло, лишь как то, что может портить добро, а не как естественную составляющую мира. А в те века доктора Фауста, которые назовут потом «эпохой», возражения людей становились богоотступничеством и тянулись к магии, дабы постичь тайны природы. Фауст – черный маг, для которого посланцы ада исполняли все желания, даже Мефистофель, разносящий скверну, вынужден был служить ему. Агасфер знал, что этот демон был не самым главным и всесильным, и настоящее имя его было Фоланд. Имя это было известно только в узком своем кругу. И он был, как все слуги ада, многолик, хотя и не мог, как Агасфер, постоянно быть в облике человеческом. Ноги демона были на конских копытах. Но, если в главном у него не получилось, и Фаусту удалось спасти свою душу, Мефистофель много в этом мире чего оставил. И первую свою главную отличительную черту – язвительную шутливость. Той чертой в поздние времена будут блистать политики, депутаты и чиновники, забалтывая проблемы, и любой разговор, который им хоть сколько-то угрожал, превращали в юмористическое шоу, остря и умничая лукаво. Всем бы им по шляпе с петушиным пером. А Господь принял и того сочинителя, очарованного Ветхим заветом, как историей страданий. При этом тот был масоном, возвестившим миру, что зло – это благо, и в сочетании с добром создаст гармонию земной жизни. Господа он этим не прогневил, и тот упокоил его на кладбище у православного храма Марии, той, что из Магды.

Агасфер молчал, когда власти призывали к оболганию Бориса, когда тот на себя взял груз ознакомить с теми истинами свой народ на своем языке.

Кот из своего угла рассматривал кормильца, тот спал на кровати, распустив слюни. Агасфер предполагал, где тот отдыхал, и было ясно, что устал болезненный терять свое человеческое лицо каждый день. Вырастало рыло. Загадкой было одно – от чего он отдыхает из дня в ночь, если ничего, кроме отдыха, не делает? Кот обернулся человеком, разул-раздел опекуемого и уложил в постельку. Сам открыл дверь и двинулся в холодную осеннюю ночь.

Улицы были заполнены рыскающими по службе волками. Сегодня надо было пополнить запасы консервов, уже несколько дней до того, как его подопечный сам начнет употреблять их по требованию своего нового облика. Ближайший пункт выдачи такого товара был рядом. От условного звонка дверь отворилась, огромное помещение склада было забито ящиками. Рулили здесь черти, они были рогатые, хвостатые, а рыла у них были с пятаками и маленькими черными глазками. Самая что ни на есть сказочная классика. Но только животы были не втянутые, а торчали вперед, видимо, подъедались на складе готовой продукцией. Черт и есть черт, без ветрил и руля. Агасфер записал на доставку два ящика. Самому ему страшно хотелось мороженого, самое вкусное он ел однажды на даче своего как бы сына, куда явился в роли еврея-предсказателя. Очаровав всех простенькими фокусами, он был премирован тем самым мороженым. Очень уж та публика была забавная, если не знать, насколько она подлая и жестокая.

Что сейчас здесь делалось – шло к завершению, подготовка народа-прародителя и зачистка территории. Гнездо было почти оформлено, яйцо слеплено и обжигалось в адском пламени. Шлюха, что мать, скоро вернется и в своей порочной истерии получит яйцо в утробу. И папа, как бы в человеческом образе, скоро будет готов, и его можно будет показать и оформить в отцы. Агасфер помнил, как тот народ горько рыдал и страдал, когда умерло чудовище. Ведь только такой народ можно вывести ликовать, и, призывно размахивая руками,

встречать зверя. К тому времени среди них уже не будет тех, кто сможет счесть его число. И он пойдет по миру, а в день Йом-Кипур, когда евреи поклонились золотому тельцу, он войдет на Храмовую гору и возведет свой алтарь. Его явление станет мировой пандемией, и будет великий хайп. И будет он знать каждый язык, и будет каждым править, и встанет новый тысячетелный Райх, то есть ад на земле.

Опять проснулся от холода, опять окно открыто, похоже, сам вчера открыл, когда раздевался и укладывался. Хорошо вчера набрался, пытался перепить длинную, но куда там. Она вчера, пьяная, наболтала много чего, Слава прямо потянуло отжаловаться, он не стал противиться и двинулся по адресу.

На улице три волка неотрывно глазели на стену, явно чего-то ожидаючи. На серой, казалось бы, совсем гладкой стене, на высоте, недостижимой для волков, висела прилипшая животиком и вцепившаяся маленькими коготками зверюшка размером с ладошку. У нее был маленький пушистый хвост, серая шкурка в четких темных продольных полосках, головка с круглыми ушками и маленькие черные бусинки глаз. Кто это и откуда, Слава не знал, понимая только, что эта зверюшка живая. Он прыгнул на нее, резко замахав руками. Зверюшка покатила вниз, пытаясь цепляться, но еще миг, и исчезла, даже непонятно в какой пасти. Слава был довольный, день опять начинался удачно.

Вчера длинная рассказала про какие-то заведения под названием «Вечный кайф», рассказывала очень увлеченно, хвалилась, что там только орально за день сделала коробку, свою трехдневную норму, но только она не сказала, где это. Все интриговала, желая, видимо, на хвост прицепиться. Уж больно ей хотелось быть признанной в профессии. Приехал Вовчик вместе с большим другом, а уж от Вовчика секретов не было, он уже все узнал про тот «Вечный кайф». Есть огромное колесо обозрения с закрытыми подвесными кабинками, оборот – и оно останавливается, три нижних кабинки меняются, а кабинок пятьсот штук. При полной загрузке можно кайфовать весь день. В кабине неизвестно кто: мальчики или девочки. Все любили этот аттракцион – и мужелюбы, и женюлюбы. Рядом замечательные жральни и распишные, эффектно и современно.

Позвонила Петровна с хорошими новостями: дали ей испытательный срок и коробку именную, со сроком заполнения в два дня. Если не справится, погонят, не учитывая даже прошлые заслуги, но она уже работает, мальчики-мужелюбы на кухне уже выдрачивают друг друга и обещают успеть. Она бы еще долго расшаркивалась с благодарностями, но Слава выключил телефон: мешала сосредоточиться по сегодняшнему досугу.

Самое простое было с революционерами. Проще, чем даже убедить женщин выбривать причинное место, навязать уникальную культуру, толерантность и научить торговать деньгами. Самому кровожадному революционеру Агасфер не дал в тюрьме закончить жизнь самоубийством, даже с пяти попыток. Лишь для того, чтобы увидеть, как его обезглавят на гильотине. А Марата прямо в ванне Шарлотта зарезала кинжалом, в руке держа список «врагов народа», тех, кого он приговорил к смерти. И Дантона, что наживался на революции, не без его, Агасфера, участия, гильотировали. Довелось ему в свое время пошоркаться рядом с Азефом (Евно Фишелевичем) особо продолжительный период, когда он пребывал в тюрьме «Моабит», и до самой его смерти. Агасфер ему и номерок 446 выхлопотал на могилку. Азеф много и часто упоминался как провокатор, и с ним было мило и поучительно общаться. Агасфер и состряпал его в провокаторы, ибо тот очень серьезно готовился убить Николая II, а того еще время не пришло, да и смерть другая была приготовлена. Но он же и помог Азефу избежать ликвидации

однопартийцами. Позже в толковом словаре появится слово «азефщина» в значении крупной политической провокации. Агасфера, конечно же, радовала столь высокая оценка его работы.

Агасфер оттолкнул Христа не потому, что ненавидел: страх навис над ним в тот момент. Страх был в виде реального римского стражника с тяжелой плетью в руке. Трусость – отвратительный из пороков, по трусости совершается половина предательств и мерзостей. Другая половина – из гордыни, жадности, злобы и лени вместе взятых. Придет время, когда дьявол обрушит на людей непреодолимый страх. Лишь вначале он придет пророком, миротворцем и врачом, вроде как в любви рожденный от мужчины и женщины. А пока выгуливалась Антидева и выкармливался Антиобручник, Агасфер знал: как только задуманное свершится, все, кто имел хоть малейшее отношение к мистификации рождения младенца, будет на веки вечные опущены очень глубоко. И будет ли его подопечный в свином обличии или в обличии черта, все будут пожираться, отрываться и вновь пожираться.

Добрались до «Вечного кайфа» – здорового сооружения, но издалека не очень-то и видного. Фокус в том, что привычный для всех туман доходил до его середины, все остальное пряталось, и кабинки появлялись как бы из ниоткуда. Было на что посмотреть: при каждой остановке кабины менялись пассажирами, было видно, как и без трусов перебежали. Потом колесо делало еще пол-оборота, и опять кто-то менялся, но, чтобы это оценить, все же надо было почувствовать. А пока можно вкусно покушать. Тут все было рядом и наглядно. Внутри большой сферы – ресторан и сцена с танцовщицами. Посадили за стол, пришел распорядитель, взял заказ и поинтересовался у них о предпочтениях. За троих ответил Вовчик, что им надо как всем. Распорядитель смутился: было понятно, что предпочтения у всех тут разные. Слав сказал, что подумает, тот расшаркался и смылся. Сзади подсели две барышни – сочные, с хорошими формами. Вовчик спросил, где тут можно – в кабинках? Но они радостно объявили, что тут можно везде, и если мальчики не знают, куда идти, то они знают. Вовчик с большим другом ушли за какие-то ширмы, ведомые девочками.

Через стол от Слава сидел одинокий гость и вроде как ел, но, когда тот поднял голову, Слав узнал в нем кряжистого, который пригонял машину и приходил за долгом. Тот смотрел на Слава глазами, которые постепенно увеличивались, становясь в пол-лица, потом еще и вывалил язык, раздвоенный и синий. Он поднял палец с большим загнутым ногтем, громыхнул: «Долг!», фыркнул слюнями и исчез. За его столом остался полный порядок, даже приборы не сдвинулись. Славу чуть поплохело: до расплаты с долгом еще много времени, и, похоже, видение или от голода, или от недопивания. Принесли водку, и он с жадностью выпил сразу две полные рюмки. Пацаны не возвращались, видимо, еще и поменялись. Притащили здоровую горячую рульку на подносе. Официант тоже посочувствовал, что тот в одиночестве, попросил почитать меню и добавил, что у них тут не скучают. Слав еще выпил, начал резать рульку; в последнее время мясо казалось ему пресным, хотелось чего-то нового.

Меню было интересное: чего стоило только свидание с русалкой. На фото девушка была с рыбьим хвостом, но доступной попкой. Хвост, конечно, был бутафорский. Потенция отзывалась активно, значит, надо занырнуть в этот омут. Вернулись приятели, но без девочек, те еще с кем-то остались за шторками. Они сразу накинулись на рульку и не забывали наливать. Пришел распорядитель, он был рад, что они определились с предпочтениями. Слав к русалке, а они на колесо. На ухо он шепнул Славу, что в дополнение можно и мальчика в костюме рака, он все умеет. Слав, опять же, сказал, что подумает. Русалка оказалась ничего – с длинными, под стать, волосами, мускулистым торсом и накачанными бедрами. Костюм с плавательным веслом был до талии и переливался серебром, но на попке был красивый вырез сердечком. Бассейн был ни большой, ни маленький, а мальчик в костюме рака так и просидел на скамеечке

в ожидании, что его позовут в помощники. Вода была теплая, но с запахом, похожим на тот, что был у Петровны. Или это вся специальность так пахла? Уж лучше бы свиной щетиной.

Создатель дал Закон сначала евреям, а потом и всем людям, прислав в искупление их грехов своего возлюбленного сына. Приняв жуткую смерть на кресте, Христос оставил людям любовь как основу человеческой жизни, а люди сразу принялись убивать друг друга из ревности, кто лучше поклонится Богу. Он будет вынужден развести их по церквям и конфессиям, даст людям возможность называться обществом и иметь культуру. Так вот: это общество, отъевшись и приодевшись, начнет создавать теории, называя их научными. А где наука, Сатана не очень вхож, творили ее, конечно, люди:

- Теория происхождения видов – одни присваивали себе право убивать других, как недоразвитых и не того цвета;

- Теория классовой борьбы не только оправдывала убийство подобных себе, но и насаждала мысль, что это – основа развития общества;

- Теории физиков создали сверхоружие для уничтожения себе подобных;

- Теории космоса убрали возможность спрятаться от этого оружия;

- Теория искусственного разума нашла куда спрятаться – за новую власть, которая придет и решит все проблемы.

Дьявол не мог изгнать Христа, это сделали сами люди, и откуда его изгоняли, он уходил в расчете на покаяние тех людей. Политики, театралы, киношники, музыканты, поэты и жандармы: все, кто обслуживал власть, не призывали Сатану, а изгоняли Христа.

Из этого дома скоро Агасферу уходить. Как только опекаемый посетит «рынок страстей», кот покинет этот дом, а Слáv перейдет в ведение канцелярии демонов, они будут являться ему в своем натуральном виде. С него потребовали подселить кого-то вместо себя, требовалось сотворить особь под стать клиенту и пейзажам вокруг. Внешне он ее примерно представлял, слыша предпочтения, которые тот высказывал по телефону. Нужен был конструктор, и он стал его сотворять. В 70-х годах XVI века ему довелось побывать в монастыре, где уже семь лет в монашеской келье на цепи держали Жана Гренье – оборотня, пойманного в горных районах Франции. Монашка, изгнанная по причине беременности из монастыря, понесла от оборотня и позже родила девочку, которая попала в семью Гандельон, но о том факте знал только Агасфер. В той крови оборотня был представлен Всеслав, колдун и извращенец, который правил в Полоцке 57 лет. Такую кровь и притащил Агасфер. Если казненный Жан Гренье однажды потерял свою человеческую душу и образ божий, то этот сегодня все то же отдал за жратву и похоть. Вот эту пару спутников жизни и намеревался сочинить Агасфер. Той кровью он окропит любую девку, а потом тело слепит согласно заявке. И в этом мире тому творению будет уютно и комфортно, волки будут бегать за ней толпами, виляя хвостами. Всем этим ремеслам Агасфер обучился, еще будучи по велению хозяина учеником и подмастерьем великого законоучителя, праведника и мага рабби Шимона Бар Йохайя. Он тринадцать лет провел с ним в пещере недалеко от Галилеи, где и были написаны тексты «Зогар», основной книги каббалы. Последнее наставление Агасфер получил от него из столба огня, яркого света, когда тот умирал.

Один из первого поколения смертных, кто был допущен к Богам, – вор и клятвопреступник Тантал – накормил богов мясом убитого им же собственного сына. И он передавал все разговоры богов смертным. За это весь род его был проклят, но его потомки болтали по земле,

что знают, что боги создали расу сверхлюдей, и ее только надо пробудить. Наследники Римов, бредивших вечной империей и приведенных к власти своими же народами, взялись то реализовывать. Это были сын кузнеца и двое сыновей сапожников, что родились к исходу XIX века. Богов они не чтили, давно на себя примерив их одежды, но всех их объединяло то, что они верили, что власть выше жизни и смерти – это как бы было подслушано от богов тем же Танта-лом. Они восхваляли свои легионы, объявив их сверхлюдьми с правом убивать других. Потом схватились между собой, каждый мечтая построить свою мировую империю – наследницу. Но третьего Рима не будет, так же, как и третьего Нерона. Во втором акте рядом будут сидеть, опять же, трое. Двое из них жили сладкими воспоминаниями о своей имперской истории, а третий предвкушал захват мира если не штыком, то деньгами и словоблудием. Но опять ведь третьего Рима не случится, Господь такой воли людям не даст. И даже самому новому оружию – деньгам – он не позволит воцариться среди людей. Всему придет время. Когда люди научатся считывать информацию с гамма-излучения тантала, тогда и получают информацию о богопроизводстве, а пока что используют его в производстве лопат. У Агасфера было время на легкую интересную работу: создавать среди людей идеи, развивать их и подтверждать. Это и инопланетяне с кругами на полях, снежный человек и зомби-апокалипсис, да и много чего другого. Однако он все чаще думал о том теплом апрельском дне, что-то в нем никак не умирало, и где-то глубоко жило отдельно от него, того, кто продался из страха. Но ведь он продал только тело, душа-то не продается и не дарится. Страх у него становилось все меньше.

Сегодня Слава во сне награждали – за что и чем было непонятно, но процедура проходила очень даже торжественно и пышно. Были и шлемы с красными звездами, и погоны с гербами, и гарделя, сияющие золотом, и даже пуговицы с орлами. Вдруг, неожиданно, среди этого томного величия завывли волки и захрюкали свиньи. Они тоже сидели за столами, с сальными мордами, и пили водку из больших кружек. Из какой-то табакерки выскочил Зуд и опять полез целоваться.

На скамейке у дома сидел Вовчик и пальцем одной руки ковырял под ногтем другой руки. Похоже, вчерашняя закуска беспокоила. Он поджидал проспавшего Слава, имея какие-то планы по сегодняшнему дню. На улице было туманно и безветренно, но не очень что бы и холодно. Вовчик уже тоже перестал умываться, но еще как-то пытался убрать под ногтями. Из имеющихся на сегодня мероприятий, «Гастрономический фестиваль» показался наиболее живым и аппетитным. Это значило, что в ближайшей корчме есть не будут, а сразу двинут на место. Туда ехать пришлось довольно долго, но это того стоило, ведь открывающаяся картинка впечатляла и обнадеживала. Здание было уложено в пять террас под сплошным прозрачным столом, где и вкушались яства. Лифт поднял их на пятый этаж; было видно, как на четвертом развлекаются мужелюбы. Заставленное столами пространство терялось в мягких поворотах.

Заполнение было по утреннему часу довольно плотное, все от чего-то отдыхали. Уселись, меню, как и везде, было два: одно с гастрономией еды, другое с ассортиментом тел. Вовчик начал со второго. Заведение было статусное, тут привезут тебе по высказанному набору достоинств и способностей. Вовчику и придумывать было не надо, он хотел эталонную Мамонт. Через минуту на стол стали таскать жратву, которой было валом. Что такое горчица и хрен, им было неведомо, зато знамо, что сие – отличный толкач мяса, но такое было не везде. Все пошло – и холодные языки, и хвосты, зажаренные до хруста. Небольшой туманчик вперемешку со сладким дымком сигарет настраивал на хорошие мысли, а водочка эти мысли шлифовала до сладострастных желаний. Подбежал носатенький распорядитель, достал блокнот и стал записывать желания. Параметры Вовчика были известны заранее, а Слава опять завыебывался и сказал, что будет только самую лучшую. Носатенький похмыкал, кивнул и исчез. Кругом сношались, здесь это делали в маленьких кабинках, расставленных вдоль стен, двери в них не

закрывались для остроты ощущений. Никогда не прекращающееся веселье разогревало кровь и будоражило потенциал, который, впрочем, всегда был в хорошей спортивной форме. Водочка «Прелюдия» сначала теплом, а затем и свежестью наполняла нутро. И пусть кто-нибудь скажет, что это не комфорт проживания.

Агасфер был в своей квартире; он разделся, забросил часть белья в стиралку, она тихо заработала. На груди у него синий рубец от вставленной туда метки Сатаны, поэтому его в человеческом облике принимала и терпела вся нечисть ада. Последние годы рубец зудел, вроде как хотел покинуть его тело. Видимо, размышления последнего времени вызывали эту аллергическую реакцию. Приближалось время нового объекта попечения, он будет общаться с человеком, пусть с падшей шлюхой, но с человеком, которому нужно есть как человеку и так же спать. Которого придется закрывать собой от всего вокруг. Здесь ни грамма уже не осталось от человеческой природы, и ни сантиметра от территории обитания людей. Тут было гнездо. Откуда ее вытащила Лалия, из какого времени, на каком языке говорила и какому обществу принадлежала, он не мог знать. Ее память была стерта, а после таких стираний она никогда не возвращалась. Если ее в таком виде оставить среди людей, то приютом ей навсегда станет сумасшедший дом. Известно было лишь одно: что она из колена Данова, людей, сразу же отвергших Бога, а значит и дарованную им мораль. До второго весеннего месяца ее придется кормить, а с едой у Агасфера было непросто. Выдача происходила по предварительной заявке и в определенном месте. Он оставлял пустую коробку и забирал полную. Этот груз затаскивался в проход между людьми и адом, между живыми и мертвыми, между вымыслом и реальностью. Этих технологий Агасфер не мог знать, все эти передвижения были во власти только самых приближенных к трону демонов. Это он – живой – мог явиться к живым, и живым вернуться к мертвым. Он жил в двух мирах, ибо в первом не мог умереть, как и в другом не мог быть умерщвленным. А эту подопечную, лишив памяти, завезли сюда с живой душой, что могло произойти только с высочайшего изволения. Это для мертвых дорога туда в один конец была всегда открыта для посещения, если, конечно, другие врата были на замке.

Носатенький привел Вовчыку барышню. И где таких только брали и выращивали? Высокий рост, ни грамма жира, мышцы, грудь и бедра, плечи, руки с ногтями с желтым лаком. Все это дополнялось полупрозрачной рубашкой, которая на две трети была расстегнута, с четким обзором качающихся холмов, и миниатюрной юбкой на тех самых бедрах, что продолжались неприличной длины ногами, которые заканчивались хорошего размера туфлями с золотыми каблуками. Ко всему прочему, она была еще и брюнеткой по имени Томарà. Теперь Вовчык расправил плечи и как бы подтянулся, это был явно его «сайз». Он усадил ее рядом, она закинула ногу на ногу, совсем внизу заголилась, став еще объемнее и завлекательнее. Вовчык зашептал ей в ухо, и они мило захихикали. Их, похоже, развлекали те самые шумы из кабинок. Вовчык активно над ней нависал, повторно наливая «Прелудию», а та явно им увлеклась.

А если заболит? А у живых ведь еще и месячные идут. Агасфер понимал, что не очень готов со всем этим справляться. Где ей спать? Что же, ему все время котом в углу валяться? При ней Агасфер мог быть в обоих образах по собственному разумению. Надо еще одну кровать, и все к ней остальное, и кастрюли, чашки, ложки: ведь не поведешь же ее кормить в свиную закусочную. Да еще и белье необходимо. Было, о чем задуматься и чем заниматься. Не очень все и сложно вроде, но совершенно необычно, уж больно человеческие эти хлопоты, но приятные.

Еврей, что однажды согрешил из трусости, а затем продался за комфортный кусок, живший уже третью тысячу лет, принялся создавать комфорт проживания, исполнять человеческие потребности, помогать людям, даже той, кого не знал и никогда не видел. Рубец зудел, а день красился всеми этими хлопотушками. У него было ощущение, что что-то должно измениться, но оно в нем жило ровно до той секунды, пока он не вспоминал, для кого это все сотворяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.